

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

XLV

1883

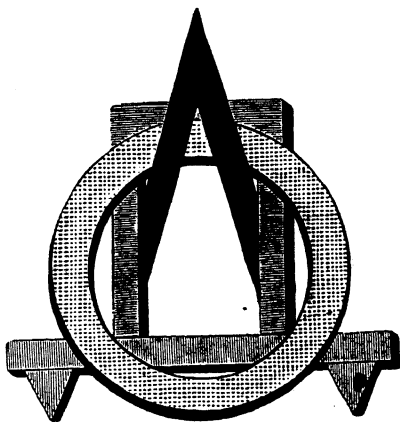
ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

ЗАКОНЫ СТИХА

РУССКАГО НАРОДНАГО И НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЙ

И. Д. ГОЛОХВАСТОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1883

ТИПОГРАФІЯ ДОБРОДѢВА, ТРОИЦЫЙ ПЕР., 32

Исслѣдованіе это, или вѣрнѣй—эта первая часть исслѣдованія о законахъ стиха, русскаго народнаго и нашего литературнаго, была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ декабрьской книжкѣ 1881 года, но съ такими пропусками и передѣлками, за которыя исслѣдователю взять на себя отвѣтственность невозможно.

Теперь, благодаря «Обществу Любителей Древней Письменности» и его предсѣдателю, князю Павлу Петровичу Вяземскому, исслѣдованіе печатается по авторскому тексту, и автору возвращается возможность продолжать любимое дѣло.

Исслѣдованіе это вызвано графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, когда онъ передѣлывалъ народныя былины для Азбуки своей, и задумано въ формѣ писемъ ко Льву Николаевичу. Слѣды этой формы, — нѣкоторую излишнюю, быть можетъ, простоту изложенія, — да благоволятъ читатели извинить автору.

ЗАКОНЫ

РУССКАГО СТИХА

2005347649

ЗАКОНЫ СТИХА

РУССКАГО НАРОДНАГО И НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО

I.

Сущность обыденной рѣчи, прозы: логическое сочетаніе словъ; сущность поэтической рѣчи, стиха—сочетаніе словъ логическое и вмѣстѣ музыкальное ¹⁾).

Простая рѣчь прозаическая такъ же естественно-необходима человѣку какъ и хлѣбъ насущный; но — не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, и гармоническая рѣчь стихотворная всегда была, есть и будетъ его живою душевной потребностью.

При словѣ: человѣкъ, слова: логика, музыка, имѣютъ смыслъ общій; при словѣ же: народъ, получаютъ сверхъ того еще и частный смыслъ. Въ этомъ-то смыслѣ и можно сказать, что какъ у каждаго само-бытнаго народа есть *свой* языкъ, — для чего необходима кромѣ общей еще и частная, своя логика, такъ есть и *своя* музыка; а при своей логикѣ и музыкѣ должно

---

¹⁾ *Логическое, музыкальное*, говоря про стихъ, понимаютъ чуть ни всякъ по своему; я же понимаю такъ: напишите какойнибудь полносмысленный и, по какимъ бы то ни было правиламъ, вѣрный стихъ и начертите его схему, напр.:

Буря мглою небо кроетъ

— — — — —

что у васъ тутъ *написано*, то, по моему, элементъ стиха *логическій*; что *начерчено*—то *музыкальный*.

и логико-музыкальное сочетаніе словъ выйти свое; у самобытнаго народа долженъ и стихъ быть свой.

Но столь же свой, ни болѣе, ни менѣе, какъ и языкъ и музыка. И чтó, слѣдовательно, общаго въ языкахъ и въ музыкѣ всѣхъ народовъ, то же непременно есть и должно оказаться общаго въ стихѣ Ильи Муромца, Эдды, Илиады, Магабараты, Псалмовъ... А именно что же? Да все то, почему стихъ есть стихъ: какъ и между березой и пальмой общаго все то почему дерево есть дерево: все исконно-существенное, а не отъ времени и ни отъ мѣста сущее, вотъ что общаго между березой и пальмой; вотъ что непременно есть и должно оказаться общаго между стихомъ Ильи Муромца, Магабараты, Псалмовъ... Все же, что не споконвѣковое языка, музыки и стиха, а ужъ отъ времени, отъ мѣста развилось изъ существеннаго — изъ дерева въ такое-то дерево, въ березу или пальму — все отъ жизни прибывшее, все характерное, вотъ что и въ стихѣ каждаго самобытнаго народа можетъ и должно бы свое быть.

Но сколь-бы многочисленны и своеобразны ни были характерныя видоизмѣненія стиха по народамъ и по вѣкамъ, идеаль всегда и про всѣхъ одинъ, какъ едина и основная суть. Ибо этого именно основнаго-то, вѣчнаго прямого совершенства, вотъ что и есть идеаль, а никакъ не временнаго, мѣстнаго и, пожалуй, произвольнаго относительное совершенство.

Какъ и основная суть, идеаль не отъ человѣка.

Въ чемъ же прямое совершенство логическаго и вмѣстѣ музыкальнаго сочетанія словъ; или, короче: какой идеаль стиха? Конечно тотъ стихъ, коего оба элемента, какъ логическій, такъ и музыкальный, каждый во всей своей силѣ и оба въ полной между собой гармоніи.

Достичь идеала нѣ-дано человѣку; не можетъ этого, стало, и никакой народъ. Но стремиться къ идеалу природно-свойственно человѣку, и приближаться къ идеалу можетъ и долженъ, по мѣрѣ способностей своихъ, каждый народъ. За тѣмъ, конечно: который народъ богаче способностями, какъ логическими, такъ и музыкальными, тотъ и ровнѣе за оба элемента подыметъ, и легче вознесетъ, и ближе къ идеалу поставитъ стихъ свой.

Эта относительная близость къ идеалу и есть, по моему, единый вѣрный критерій стиха.

Этого критерія и буду я держаться неукосно про какой бы то ни-было стихъ, родной ли, чужой ли.

Въ постоянномъ сравненіи съ русскимъ народнымъ стихомъ буду я держать современный стихъ нашихъ, а вмѣстѣ и нѣмецкихъ писателей; отъ нихъ перенятый и введенный въ нашу литературу Ломоносовымъ. Называется стихъ этотъ и у насъ и у нѣмцевъ нѣсколько сбивчиво: обыкновенно тоническимъ; но напр. у Востокова метрическимъ; у Классовскаго тонико-метрическимъ, потому что тоническимъ Классовскій и многіе другіе, напр. Даль, называютъ русскій народный стихъ, отличая его, хотя и весьма неопредѣленно, отъ нынѣшняго литературнаго стиха нашего. За то Востоковъ, Даль, подобно и нѣмцамъ нѣкоторымъ, вовсе не отличаютъ нынѣшняго литературнаго нашего и нѣмецкаго стиха отъ древняго греко-латинскаго, почему и называютъ обще тотъ и другой стихъ метрическимъ. Классовскій называетъ, какъ и всѣ почти, нѣмцы и наши, метрическимъ только греко-латинскій стихъ. У большинства же нашихъ теоретиковъ, и напр. у Гильфердинга, называется тоническимъ какъ нынѣшній нашъ, а слѣдовательно и нѣмецкій, литературный стихъ, такъ и русскій народный.

Я называю, по самому обще-принятому, греко-латинскій, коль случится упомянуть про этотъ стихъ, метрическимъ; современный же литературный нашъ и нѣмецкій—тоническимъ. Народный стихъ, по моему, самъ себѣ имя: русскій, такъ русскій. Ни иной какой стихъ этимъ именемъ величать, ни этотъ стихъ инымъ какимъ прозвищемъ называть нельзя и не нужно и не стану я.

Не столь постоянно какъ современный, тоническій, но гдѣ прійдется буду я брать въ сравненіе и прежній, первый литературный стихъ нашъ лѣтъ со сто до Ломоносова перенятѣй нашими писателями отъ польскихъ, а ими усвоенный изъ латинской Европы. Этотъ, съ Ломоносова отставной у насъ стихъ называется—всегда неизмѣнно—силлабическимъ.

Изучить и опредѣлить всѣ развитія русскимъ народомъ эпическія и лирическія формы стиха дѣло, мнѣ кажется, едва-ли еще исполнимое, за неимѣніемъ, по нѣкоторымъ отраслямъ эпической и особливо лирической народной поэзіи, удовлетворительныхъ сборниковъ, хорошо составленныхъ и вѣрно записанныхъ, но угадать *основныя законы*, общіе, должно быть, всѣмъ нашимъ исто-народнымъ стихотворнымъ формамъ, и указать примѣненіе этихъ законовъ къ одной, только покамѣстъ, но, по счастію, къ самой совершенной изъ всѣхъ стихотворныхъ формъ русскаго народа, *къ главной былинной* формѣ; вотъ что, кажется мнѣ, возможно и теперь уже, благодаря послѣднему, истинно великому труду покойнаго А. Θ. Гильфердинга, его изъ ряду вонъ богатому и отлично, впервые надежно записанному сборнику Онежскихъ былинъ. Въ поддержку и въ дополненіе при этихъ указаніяхъ можетъ съ большою пользою послужить, почти одновременно появившійся и тоже чрезвычайно удачно записан-

ный сборникъ Е. В. Барсова: «Причитанья Сѣвернаго края» ¹⁾).

За тѣмъ уже къ старшимъ, по времени изданія, сборникамъ: Рыбникова, Кирѣевскаго, Кирши Данилова, коль прійдется обращаться, то развѣ только отрицательно, дабы сличать результаты хорошаго и плохаго способовъ записыванья народнаго стиха.

Что я называю надежно-записаннымъ, и почему ставлю сборникъ Гильфердинга въ этомъ, какъ впрочемъ и во всѣхъ отношеніяхъ, такъ исключительно высоко надъ остальными, лучше всего объяснить выпиской изъ разсказа самого собирателя о томъ, какимъ способомъ записывался имъ этотъ сборникъ.

«Абрамъ Евтихievъ, говоритъ Гильфердингъ, сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею, не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ. Когда же пѣлъ Абрамъ Евтихievъ, то у него ясно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказатель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Потыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубли-

¹⁾ Сборникъ Гильфердинга записанъ лѣтомъ 1871, изданъ въ 1873; сборникъ Барсова записанъ въ 1867, изданъ въ 1872, первая часть: Плачи похоронные; вторая: Плачи солдатскіе, появилась въ 1882, когда эти главы статьи моей были уже въ печати.

ная проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ» и потомъ перешла въ сборникъ Рыбникова. Я попытался—было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказателя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что сказатели каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушиваясь нѣсколько дней къ первымъ встрѣчаннымъ сказателямъ, и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ приучить своего спутника-рапсода пѣть, а не пересказывать только словами былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихѣеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказателемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина выцпла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же приемъ употреблялъ я впоследствии и со всеми другими сказателями, и онъ мнѣ удавался почти всегда ¹⁾».

Въ свое время, когда, надѣюсь, поближе столкнемся мы съ вами о томъ, что такое русскій стихъ, я сравню передъ вашими глазами два текста одной и той же былины и того же пѣвца: текстъ прежнихъ собирателей, по старой рутинѣ, съ пословеснаго пересказа, и

1) Сборникъ Гильфердинга, стр. XXXII.

Гильфердинговъ, записанный по вдохновенной его догадкѣ, съ голоса. Тогда вы увидите; но увѣровали вы и въ способъ Гильфердинговъ и въ сборникъ, я думаю, и теперь уже; прежде даже чѣмъ успѣли до конца дочестъ приведенный мною рассказъ его. Вѣдь какъ просто и убѣдительно!

Но и еще большое достоинство этого сборника: Гильфердингъ — чего тоже почти не дѣлывали прежніе собиратели — внимательно слушивалъ и бережно отмѣчалъ всѣ, или по крайней мѣрѣ очень многія необычныя ударенія въ словахъ; ударенія не какія-нибудь областныя, мѣстныя — это бы намъ не важно, — а нѣтъ, явно произвольныя ударенія авторскія измѣняемыя, очевидно, стиха ради; ибо, напримѣръ, два раза сряду въ одномъ и томъ же словѣ ударяетъ цѣвень разъ на такой-то слогъ, другой разъ на другой:

Ты зачѣмъ меня несчастнаго спородила,
Спородила бы, родитель моя матушка.

(Калининъ, въ былинѣ о Добринѣ).

Когда будешь ты на матушкѣ святой Руси,
Да й будешь когда у князя у Владиміра.

(Рябининъ, въ былинѣ о Дюкѣ).

Легко намъ читать у Пушкина, и безъ означенныхъ удареній, не записываясь:

Глазами страшный призракъ мѣриль

Богатыря призракъ огромный.

Законы тоническаго стиха мы заучивали еще въ классной, а къ 4-стопному ямбу Руслана и Людмилы привыкли еще съ дѣтской. Но представьте себѣ, что вы про ямбическій размѣръ знаете столько же, сколько наши теоретики, не исключая и новѣйшихъ, знаютъ

про размѣръ былиннаго и вообще русскаго стиха, т.-е. въ сущности ровно ничего; а надобно вамъ найти схему этихъ двухъ стиховъ Пушкина.

Вы ударяете по обыкновенному, да какъ и самъ Пушкинъ въ первомъ стихѣ ударяль, и схема втораго стиха выходитъ у васъ:

Богатыря *призракъ* огромный

⌒⌒⌒—, —⌒, ⌒⌒⌒

опредѣляя по удареніямъ, 3-стопная, изъ пѣона 4-го (⌒⌒⌒—), хорей (—⌒) и амфибрахія (⌒—⌒); или пожалуй, изъ пѣона 4-го (⌒⌒⌒—), дактиля (—⌒⌒) и хорей (—⌒). Не зная секрета, т.-е. особаго про этотъ случай, произвольнаго авторскаго ударенья, возможно ли въ этихъ, сплошь разношерстныхъ стопахъ, безъ единой ямбической стопы, угадать размѣръ такой же какъ и предъидущаго стиха, ямбическій? Или вамъ кажется не угадать этого слишкомъ наивно бы? Такъ вотъ вамъ примѣръ, какъ и кто можетъ не угадать и къ какимъ выводамъ прійти чрезъ-то.

В. И. Классовскаго параллельное изложеніе версификаціи метрической (греко-латинской), силлабической (французской и нашей до-ломоносовской) и, что я называю, тонической (современной нашей и нѣмецкой литературной), конечно одно изъ лучшихъ руководствъ у насъ по этому предмету¹⁾. Ну какъ, кажется, не отличить тоническаго стиха отъ силлабическаго, подавно специалисту и знатоку дѣла? А вотъ какъ: «Въ духовныхъ нашихъ училищахъ, говоритъ В. И. Классовскій²⁾, силлабическая версификація держалась отчасти еще во времена Карамзина, какъ это

¹⁾ В. И. Классовскій: Версификація, Спб., 1863.

²⁾ Версификація, стр. 35.

доказывается существованіемъ хотя слѣдующей силлабической «эпиграммы» въ 1789 году». — В. И. Клас-совскій читаетъ съ обыкновенными удареніями во всѣхъ словахъ:

Какъ говоритъ Платонъ, надлежѣтъ всѣмъ внимать;
Когда онъ дѣйствуетъ, надлежѣтъ подражать...

и стихи, въ самомъ дѣлѣ, выходятъ силлабическіе. Но прочтите съ авторскимъ, съ семинарскимъ удареніемъ:

Какъ говоритъ Платонъ, надлѣжитъ всѣмъ внимать;
Когда онъ дѣйствуетъ, надлѣжитъ подражать;
Кто слушаетъ его, разумнымъ тотъ бываетъ;
Кто слѣдуетъ ему, тотъ Богу угождаетъ.

Выходитъ 6-стопный ямбъ, тоническій стихъ, или тонико-метрической по номенклатурѣ Класовскаго. Единственная за тѣмъ неправильность въ этомъ четверостишіи: 1-я стопа 1-го стиха, хорей вмѣсто ямба; хорей впрочемъ легкій, ибо большаго ударенія на словѣ *какъ* тутъ нѣтъ. Но вѣдь хореевъ, да еще и сильныхъ иногда, вмѣсто ямбовъ не оберетесь и у Пушкина:

*Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу.*

Повторяю, ужь коли кто у насъ, то конечно В. И. Класовскій знатокъ теоретикъ литературнаго стихосложенія. Но и Класовскому — вѣдь это разительный примѣръ — стоило въ единомъ словѣ не попасть на авторское удареніе, и стихъ, рѣшительно тоническій, показался ему, да и въ самомъ дѣлѣ сталъ въ его чтеніи силлабическимъ. А могъ бы и прозой показаться хотя бы и Пушкина стихъ, но отдѣльно взятый и прочитанный съ обыкновенными удареніями:

Богатыря *призракъ* огромный,
или еще яснѣе:

Пустой и гибельный *призракъ*,
вѣдь чистая проза.

Такъ-то и съ нашимъ народнымъ стихомъ. Какому бы ни знатоку, но не знающему, что иной разъ должно выговаривать *спородила*, и выговаривающему всякій разъ *спородила*, или даже *спородилѣ*, ибо выговаривается *родилѣ*; и никогда не выговаривающему *будемъ* вмѣсто *будешь*; ужь отъ этого одного почти необходимо прийти къ убѣжденію, къ какому и пришелъ К. С. Аксаковъ: «Наша русская пѣсня, т.-е. народная, и именно богатырская, не есть — говоритъ онъ — опредѣленное стихотвореніе и не имѣетъ опредѣленнаго метра, отдѣляющаго ее отъ прозы. Между русскою прозою и русскимъ стихомъ нѣтъ ярко-проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ¹⁾.—У нашего народа стиховъ собственно нѣтъ»²⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, ежели напр. слѣдующія, у него приведенныя цитаты³⁾ читать, какъ въ то время печатали, никакихъ удареній не означая, а читали—самодой собою разумѣется — все сплошь съ обычными, да еще съ литературно-обычными удареньями:

И на русскіе могучіе *богатыри*.
Не бывать Ильѣ въ *чистомъ полѣ* побитому.
Нагулялся ты Добрыня во *чистомъ полѣ*.
А отъ *меньшаго* ему князю отвѣта нѣтъ.
А и жидовать (*жиловать?*) собака не *изорвется*.

¹⁾ Сочин. К. С. Аксакова, М. 1861, т. I, стр. 333, въ статьѣ: Богатыри временъ В. К. Владиміра.

²⁾ Тамъ же, 404, въ статьѣ: О различіи между сказками и пѣснями русскими.

³⁾ Въ разныхъ мѣстахъ первой изъ названныхъ статей, написанныхъ обѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

Въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что «у нашего народа стиховъ собственно нѣтъ». Но конечно, ежели читать какъ теперь въ Гильфердинговомъ сборникѣ десятки и сотни разъ обозначены ударенья этихъ словъ:

И на русскіе могучіе богатыри.
 Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ побитому.
 Нагулялся ты Добрыня во чистомъ полѣ.
 А отъ мѣншаго ему князю отвѣта нѣтъ.
 А и жиловатъ собака не избрвется...

Выходитъ совсѣмъ иное.

Или, вы скажете, на то они и знатоки да специалисты, чтобы такъ наивно не угадывать очевиднаго и такъ мѣтко попадать мимо. А вотъ васъ просто вѣрное ухо тотчасъ навело на секретъ; въ стихѣ:

Пустой и гибельный призракъ
 вы перенесли ударенье съ 7-го слога на 8-й и получили схему съ удареньями на четныхъ слогахъ, подобную схемѣ стиха:

Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
 и проч. стиховъ Руслана и Людмилы. Явно, что схема эта и есть искомая, и что догадка ваша вѣрна.

Можетъ быть; но чѣмъ докажете вы вѣрность вашей догадки мнѣ незнающему, положимъ, и невѣрующему, что такъ оно тутъ и слѣдуетъ выговаривать: разъ *призракъ*, а другой разъ *призрѣкъ*; какъ вѣдь никто же до сихъ поръ, ни даже самъ Аксаковъ не зналъ и, вѣроятно, не повѣрилъ-бы просто на-слово, на вдохновенное. намъ съ вами, что слѣдуетъ выговаривать разъ *спородила*, а другой разъ *спородѣла*. Ухо ваше — и мое, признаюсь — требуетъ, стихотворной гармоніи ради, въ тѣхъ двухъ стихахъ Пушкина разное ударять въ словѣ *призракъ*; а живой обычай и всѣ лексиконы русскіе велятъ въ словѣ *призракъ* ударять всегда одинаково. Кто же авторитетъ большій тутъ, ухо ли или

обычай и лексиконы? Никто тутъ не авторитетъ кромѣ самого автора, самого поэта вольнаго; и разрѣшить недоумѣнье наше — одно средство: справиться у самого автора, чѣмъ тутъ жертвовать укажетъ онъ, привычнымъ ли удареньемъ въ такомъ-то словѣ, или же стройностью всего стиха?

Наглядныя отвѣты на такія справки у самого автора, у поэта изъ вольныхъ вольнаго, у русскаго народа, вотъ и даетъ намъ сборникъ Гильфердинга. Гдѣ прежде, не вѣдая и не видя никакихъ особыхъ удареній и произнося — само-де собой разумѣется — всѣ слова по обыкновенному, мы какъ разъ нарушили бы стихъ, да еще и дважды и трижды, и вычитали бы:

А-й то не *любо* мнѣ *мьстѣчко* *подль* тебя,
Да подь *дороимъ* подь *зеленымъ* подь *стамѣтомъ*,

совершенную прозу; теперь, по выставленнымъ знакамъ, мы наглядно узнаемъ, какъ авторъ-народъ велитъ произносить эти, такимъ образомъ вполнѣ гармоническіе и, слѣдовательно можно предполагать, совершенно вѣрные русскіе стихи:

А-й то *нѣ-любо* мнѣ *мѣстечко* *подли* тебя.
(Въ был. Рябинина о Добрынь и Казариновѣ).

Да подь *дѣрогимъ* подь *зѣленымъ* подь *стѣметомъ*.
(Въ был. Поромскаго о Чурилѣ).

Но и другія стихотворныя вольности нашихъ пѣвцовъ; пожалуй, не менѣе авторскаго ударенія важныя въ стиховомъ разчетѣ; и чуть-ли ни еще пуще, а ино и вовсе пренебреженныя прежними собирателями, уловилъ и передаетъ намъ Гильфердингъ. Напримѣръ, сокращеніе гласной стиха ради:

Говорила паленица *й* горько плакала.
Услыхалъ *ѣ* го добрый конь да во чистѣмъ-полѣ.
Тѣ онъ не *ѣ*ствушкой кормилъ ихъ да сахарною..

и обратное явленіе, возстановленіе краткой гласной, стиха ради, въ полную:

Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати.
У него вѣдь есте много да князей-бояръ.
Да живетъ-то добрый мѡлодецъ другомъ годъ.

Примѣры этихъ особенно, но и не только этихъ стихотворныхъ вольностей надъ гласными не рѣдкость у Гильфердинга, и едва-ли ошибаюсь: — просто невидаль у прежнихъ собирателей, хотя бы и въ тѣхъ же былинахъ отъ тѣхъ же пѣвцовъ, напримѣръ отъ Рябинина, отъ Пѡромскаго, «списанныхъ» у Рыбникова, но «словесно», а не «съ голоса».

Или, напримѣръ, слѣдующая — не знаю, сказать-ли: вольность пѣвцовъ; не вѣрнѣй-ли: особенность народной нашей, хотя тоже, кажется, только стихотворной рѣчи: удвоеніе гласной, какъ восполненье окончаній въ прилагательныхъ:

Не видалъ-ли ты ударовъ богатырскихъхъ.
Да-й кололь-бы ты его да копьемъ вострымъ.

Это явленье, столь важное въ слоговомъ расчетѣ стиха, передавалось, изъ пятого въ десятое, и у прежнихъ собирателей; теперь, у Гельфердинга, уловлено и передано, кажется, безуронно.

Въ сборникѣ Е. В. Барсова ударенья обозначены очень бѣдно; о сокращеніи и т. п. гласныхъ и говорить нечего; удвоенія въ прилагательныхъ, что ни самыя обыкновенныя, и тѣ переданы тутъ съ прорѣхами, мало сказать: явными — разительными. Записывалъ Е. В. Барсовъ по старому способу, словесно; къ тому же три четверти сборника записаны имъ отъ Ирины Федосовой въ мастерской мужа ея, плотника, при шумѣ и стукѣ рабочихъ, какъ рассказываетъ собиратель ¹⁾; да и сама

¹⁾ Сборникъ, стр. 314.

Ирина, то и дѣло, развлекалась хозяйственными хлопотами. Обстоятельства для записыванья, казалось бы, самыя не надежныя. За то какая же пѣвица эта Ирина!—Ирина—говоритъ собиратель—женщина лѣтъ пятидесяти, съ богатыми силами души и въ высшей степени поэтическимъ настроеніемъ. Тринадцати лѣтъ была она уже вояницею, извѣстной по всему Заонежью. Я грамотой не грамотна, говоритъ собирателю сама про себя Ирина, за то я памятью памятна. Гдѣ что слышала, пѣсю-ли, сказку-ли какую—пришла домой, все рассказала, будто въ книгѣ затвердила. Съ малолѣтства любила я слушать причитанья.

Разумѣется, Ирина, какъ и никто на свѣтѣ, не можетъ знать кѣмъ именно сочинены тѣ изъ ея причитаній, отъ которыхъ такъ и обдаетъ васъ старо-древнимъ духомъ Руси еще до-христіанской. Но жаль, что не доспросилъ собиратель у Ирины, не извѣстно-ли ей кѣмъ сочинены новые эпизоды ея причитаній, а иногда и цѣлыя причитанья; напримѣръ, о томъ, какъ мировой посредникъ притѣсненіями замучилъ и уморилъ сельскаго старосту ¹⁾).

Мнѣ возражать: мировой посредникъ тутъ не просто-ли слово новое; самый же фактъ и личность чиновника-міроѣда вѣковѣчно давніе на Руси. Про какихъ подъячихъ, про какихъ тіуновъ нельзя было сказать того же, что тутъ сказывается про мирового посредника?

Такъ позвольте же указать вамъ на другой фактъ изъ Ирениныхъ причитаній ²⁾): у крестьянина упало съ лавки дитя и убилося до-смерти. Онъ боится

¹⁾ Плачь 20-й, о старостѣ.

²⁾ Плачь 22-й, о попѣ отцѣ духовномъ.

Не провѣдали-бъ судьи неправосудные
Про его бѣду-незгodu про великую.

и бѣжить за совѣтомъ къ попу-отцу духовному.

Уже нѣтъ да таковá попа не видано,
даетъ попъ крестьянину рукописаніе, будто дитятко
хворало и было передъ смертью исповѣдано:

Уже этой онъ бумагой оправдается.

И точно, провѣдали, являются къ крестьянину раз-
ные «міроѣды голопузые», страшатъ его да «побѣ-
хаютъ»:

Допросемъ-де мы начальству про то вышнему.

Не приняло и попово рукописаніе; драма завязалась-
было туго; но вдругъ:

Ты купи намъ полуштофъ да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью;
Тутъ повѣримъ мы попу отцу духовному,
Мы забросимъ все дѣла да уголовныя.

И занавѣсъ опускается при появленіи полуштофа.
Это *deus ex machina* ветхій деньми, я знаю. Но самая
драма-то, возможность судомъ начальства судить ро-
дителей за бѣду, за волю Божью надъ ихъ дѣтищемъ;
да хотя бы даже и за нерадѣнье ихъ о дѣтищѣ; по-
хоже-ли это на древнюю Русь?

Мало вамъ этого факта, вотъ вамъ другой, еще поу-
бѣдительнѣй, кажется ¹⁾: убило крестьянина грозой,
въ полѣ, подъ деревомъ. Къ тѣлу приставили карауль.
Дали знать становому. Въ ожиданіи приѣзда начальства,
«писарѣчковъ хитромудрыхъ и славныхъ лѣкарей»,
тѣло, какъ найдено, среди чиста поля подъ курчавой
деревиночкой, теперь въ щепы разломаной, ко сырой
землѣ приклѣненной, такъ и лежитъ:

---

¹⁾ Плачь 16-й, объ убитомъ громомъ-молвіей.

Бѣла грудь его стрѣлой этой прострѣлена,
 Ретливѣ сердце все молвіей разорвано,
 Бѣлы рученьки его да пораскинуты;

лежитъ безъ поминанья. А добрые люди наставляють
 между тѣмъ вдову покойника къ чему и какъ ей гото-
 виться:

Будутъ пѣтрошить надёжную головушку,
 По частямъ рѣзать, по мелкіимъ кусочикамъ.
 Какъ распорятъ его грудь да эту бѣлую,
 Какъ повынутъ-то сердечушко ретливое;
 У тебя тутъ у печальной у головушки
 Обмирать да станеть зяблая утробушка.
 Ты послушай же, спорядная сосѣдушка.
 Не жалѣй, бѣдна, любимой покрѣтушки;
 Заложь, снеси, крестьянину богатому;
 Ты проси да золотой казны по надобью.
 Запродай свою любимую скотинушку.

.....
 Какъ прѣдуть дохтурѣ да славны лѣбари,
 Ты сули имъ золотой казны по надобью;
 Во-потай сули, безъ добрыхъ ты безъ людушекъ,

.....
 Чтобы прѣдали ко матушкѣ скрыой землѣ
 Тѣлеса-то бы его да безъ терзанія.

Что посулъ во-потай бываетъ сильнѣе закона, это
 на святой-Руси ужь охъ какъ издавна не новость, ко-
 нечно. Но терзать-потрошить тѣлеса покойниковъ, т.-е.
 вскрывать тѣла скоропостижно-умершихъ, давно-ли это
 на Руси общеизвѣстный законъ, а не преступленье
 неслыханное?

А если причитанья про это, вѣдь согласитесь, очень
 ужь не древни; почему же не быть причитанью и еще
 поновѣй, про мировыхъ посредниковъ?

Такъ вотъ эти-то причитанья, эти бытовья бы-
 лины, немножко подревнѣй, немножко поновѣй Поло-
 женья 19-го февраля, кто сочинялъ? Не сама-ли Ирина?

Вѣдь прочія пѣвицы не пѣли же собирателю, не знали, видно, этихъ причитаній. А и что онѣ пѣли, — какъ и все, что въ этомъ родѣ находится въ другихъ сборникахъ, напримѣръ у Рыбникова, — въ сравненіи съ тѣмъ, что поетъ Ирина, все равно какъ бы ветхія картины, закопченныя, стертыя, а кой-гдѣ и позамазанныя «кистью сонной», въ сравненіи съ картинами, одной свѣже и мастерски написанной, другой бережно и мастерски реставрированной.

Если же такъ, если правда моя, что Ирина сама же и сочинительница, сполна или отчасти, нѣкоторыхъ изъ своихъ причитаній, тогда очень просто отчего она и на древнее, столь близко-сродное ея генію, таково памятью памятна; тогда не мудрено, что и новое (свое?) и древнее (реставрированное ею-же?) она чуть-чуть развѣ не такъ-же хорошо пословесно сказываетъ, какъ, — безподобно, должно быть, — поетъ. А сказываетъ она таково, что хотя и подъ шумъ и стукотню рабочихъ и среди хозяйственныхъ развлеченій самой Ирины, все-таки Е. В. Барсовъ записалъ отъ нея правильныхъ стиховъ ужъ никакъ не менѣе чѣмъ Гильфердингъ, съ голосу, отъ троихъ наилучшихъ пѣвцовъ своихъ, отъ Рябина, отъ Калинина и отъ Фепонова.

Замѣчательно, что одна изъ вопленицъ прямо заявила Е. В. Барсову ¹⁾, что-де «словами причѣтовъ не скажешь, а въ голосѣ, гдѣ-что берѣтся, и складнѣй и жалобнѣе». По ея мнѣнію, стало, не только форма, но и содержаніе страдаетъ отъ пословесной передачи. Да такъ и должно быть; иногда, по крайней мѣрѣ. И все таки Е. В. Барсовъ не попалъ на Гильфердинговъ способъ записывать съ голоса. Но вѣдь дорогъ

¹⁾ Сборникъ, стр. 327.

способъ результатами; а ежели и по другому, по старому способу результаты, какимъ бы то ни было чудомъ, дались отличные, то и слава Богу: сборникъ хорошо, а два лучше.

Такъ вотъ отчего намъренъ я разбирать только по этимъ двумъ сборникамъ и, — подробно, по крайней мѣрѣ, — только одну, главную былинную, стихотворную форму; которую, для краткости, просто буду называть былинной; ибо хотя и не все былины сложены этимъ стихомъ, но огромное большинство и былинъ и причитаній.

А причитанье у насъ, вѣдь это въ сущности та же былина, только не про лицо извѣстное и не про личныя его похождения, а про извѣстный типъ, про типическія съ нимъ событія и про типическія его отношенія къ роднымъ и ближнимъ. Причитанье не столько лирической плачь, сколько эпическое поминанье, сказанье о житьѣ-бытьѣ и о смерти человѣка такого-то типа: священника, старосты, отца, жены, дѣвицы, сироты, пьяницы, и т. д. Это цѣлый кругъ былинъ, издавна законченный, но никогда не замкнутый, всегда способный развертываться и расширяться для воспріятія новаго слова про новое явленіе житейское. Прибавилось въ жизни юридически-медицинское потрошенье тѣль, явилась объ этомъ и былина, или продолженіе къ древней былинѣ, которая до той поры, не вѣдая житейскихъ тревоженій еще и по смерти утонувшаго или опившагося, кончалась — эпически его смертью, лирически плачемъ о немъ; теперь, слава Богу, коль удалось умиловить судьей такъ что не пришлось плакать еще и о терзаніи опозореніи покойника. Но рѣдки эти новыя явленія въ бытовой жизни русскаго народа, — по крайней мѣрѣ еще очень недавно были рѣдки; — и многовѣчны его бытовые типы. Съ неза-

памятныхъ временъ все одни и тѣ же, какъ сами они, такъ и дѣянiя ихъ. А явленiя мiра божьяго, столь тѣсно связаннаго съ жизнiю народною, уже и подавно съ покона и до скончанiя вѣковъ одни и тѣ же. И такъ, какимъ обычаемъ прадѣдъ выходилъ во время оно на промыселъ рыбацiй свой, и какъ его «судбинушка по бѣрежку ходила, страшно ужасно голосомъ водила, во длани судбинушка плескала, до суженыхъ головъ добиралась», и добралась наконецъ, потопила его «въ этомъ кругломъ морюшкѣ, во синѣмъ Онѣгущкѣ»; и на какое горе-горькое житiе вдовье да сиротское оставалась его семья; и какими словами сказывалось про все это тогда, на его похоронахъ; тѣми же словами сказывается и нынче про все это на похоронахъ его утонувшаго правнука. Да и какъ же иначе сказывать? Не все тѣ же развѣ и озеро, и буря, и люди и жизнь, какими тогда и вѣчно были, да и будутъ вѣчно? Въ подробностяхъ, коли доискиваться стать, конечно оказалось бы, даже, пожалуй, и не мало разницы; но народъ настоящiй художникъ; ему творческая правда: правда вѣчно-существенная, вотъ ему правда истинная; а предъ правдой только сущей, предъ правдой случайныхъ подробностей онъ не останавливается что въ ней!.. Мимо идохъ и се не бѣ.

Такъ вотъ и вся разница между этой былиной бытовой и тою, богатырской. А середина между ними былина молодецкая, такъ называемая; о томъ, напр., какъ женили рано добра-мóлдца на богатой женѣ и хорошей, да, вышло, неудачливою; и какъ онъ отъ нея въ гульбу ушелъ, и какъ все таки къ ней же вернулся; или какъ горе привязалось къ нему и гонялось за нимъ и въ темны-лѣса и въ монастыри честные, и только ужъ оставило его въ покоѣ какъ легъ онъ во сыру-землю. Лирическiй элементъ и тутъ есть, и

эта былина скорѣе про типъ, нежели про лицо, хотя бы и называлось оно Ванюшей-ключничкомъ или княземъ почему-то Волконскимъ. Такъ что по всему, даже и по преобладающему колориту выраженья, по множеству оттѣнковъ какой-то не то что новизны, а какъ будто вѣчной современности, — въ противоположность застывшей древности богатырства; — словомъ, рѣшительно по всему эта молодецкая былина гораздо, мнѣ кажется, ближе къ причитанью, къ бытовой, какъ я называю, былинѣ, нежели къ былинѣ богатырской. Но какова бы ни была относительная близость трехъ этихъ разрядовъ, все таки же и тотъ, и другой и третій чистыя эпопеи, въ коемъ смыслѣ и употребляю я терминъ былины.

Такой общности содержания уже довольно, чтобы и форма, чтобы, по крайней мѣрѣ, главный стихъ всѣхъ этихъ былинъ былъ одинъ и тотъ же. Не мудрено, стало, что такъ оно и есть.

Про другія стихотворныя формы, болѣе древнія, или, напротивъ, гораздо новѣйшія въ богатырскихъ былинахъ, и про постороннія формы въ причитаньяхъ, а можетъ быть и про нѣкоторыя не былиннаго стиха формы скажу я вамъ что смогу, но уже послѣ главнаго.

Всѣ необычныя, авторскія ударенья, сокращенья, и т. п., коихъ примѣры буду я приводить въ доказательство какого-либо стихотворнаго закона, всегда означены у самихъ собирателей. Но я, чтобы не пестрить текста слишкомъ частыми сносками, буду указывать на пѣвца, былину и страницу сборника только въ случаяхъ нужныхъ, т.-е. или рѣдкихъ, или почему либо сомнительныхъ. Въ случаяхъ же заурядныхъ не назову, можетъ быть, даже и пѣвца. Тогда, чтобы провѣрить меня, стоитъ вамъ только раскрыть сборникъ Гильфердинга (стр. 440 до 550), былины Рябинина;

прочестъ подрядъ два-три десятка стиховъ, и велика будетъ ваша незадача, если вамъ тотчасъ не попадется два-три примѣра точь-въ-точь подобные тому, которые я привелъ, а вы пожелали провѣрить. Изъ 18 номеровъ былинь Рябинина (болѣе 5½ тысячъ стиховъ), укажу вамъ какъ на лучшіе для этого, на слѣдующіе 12 номеровъ: 74, 77 до 80 и 85 до 90. Побѣднѣ будутъ правильнымъ стихомъ, а слѣдовательно и заурядными примѣрами, номера: 75, 76 и 83; еще бѣднѣй—81 и 84; самый же бѣднѣй: 73. На эти послѣдніе три номера и не ссылаюсь для подобныхъ случаевъ.

Сборникъ Гильфердинга записанъ отъ 55 пѣвцовъ ¹⁾ и отъ 14 пѣвицъ ²⁾; номеровъ (за исключеніемъ около 30 побасенокъ и пѣсней неимѣющихъ ничего общаго съ былинами) 285; стиховъ (приблизительно изъ 60 тысячъ) тыс. 55. Сборн. Барсова записанъ отъ 5 пѣвицъ, 22 номера, стиховъ тыс. 9. Итого былинь въ обоихъ сборникахъ слишкомъ 300 номеровъ; стиховъ тыс. отъ 60 до 65; отъ 74 пѣвцовъ и пѣвицъ.

Изо всѣхъ изъ нихъ семидесяти-четверыхъ лучшіе, какъ потому что знаютъ былинь больше, и что знаютъ то, все почти, полнѣе передаютъ и поэтичнѣе, нежели прочіе; такъ, и главное, потому что несравненно строже прочихъ наблюдаютъ стихъ и, въ этомъ ужь рѣшительно между собой ровни, четверо: Рябининъ (18 номеровъ), Калининъ (14 номеровъ), Фепоновъ (безъ побасенки 7 номеровъ) и Арина Ѳедосова (17 номеровъ); у четверыхъ 56 номеровъ; стиховъ по малой мѣрѣ тыс. 20, т.-е. чуть-ли ни треть обоихъ сборниковъ. Ко-

---

¹⁾ Не считая Андр. Максимова и Тим. Сивцева, которые сказывали только побасенки, № 298 и 318.

²⁾ Считая хоръ въ три голоса (стр. 845) за одну пѣвицу.

личественное, какъ видите, весьма счастливо для насъ, соотвѣтствуетъ тутъ качественному. Изъ остальныхъ семидесяти пѣвцовъ и пѣвицъ могутъ, по достоинству стиха, равняться въ лучшихъ своихъ былинахъ со средними тѣхъ четверыхъ: Гурьбинъ, Вас. Сухановъ, Малыгинъ (къ сожалѣнію, у всѣхъ троихъ только 5 нумеровъ, стиховъ сотъ 7 или 8); Воиновъ (изъ 5 нумеровъ хороши 2); знакомый вамъ изъ Гильфердингова разсказа Абрамъ Евтихievъ Чуковъ (7 нумеровъ) и Касьяновъ (6 нумеровъ). Наконецъ, пожалуй, и еще нѣкоторые, и все опять изъ Гильфердинговскихъ, могутъ примкнуть къ этимъ шестерымъ, какъ эти примкнули къ тѣмъ четверымъ, но уже все съ большей и большей натяжкой, — все только по стиху судя, — напр. Пбромскій, Кюрасковъ, Антоновъ, Щеголенокъ, Фед. Захаровъ, Тряпицынъ, Третьяковъ, Меншиковъ Матрена Меншикова, Степ. Максимовъ, Юрьевъ...

Изо всѣхъ, даже и четверыхъ лучшихъ, ссылаюсь я всего чаще, и кажется, безъисключительно въ каждомъ мало-мальски важномъ случаѣ, на Рябинина. Не потому чтобы я считалъ его за лучшаго изъ лучшихъ о, нѣтъ; стихомъ, — что для насъ главное дѣло, — коль дорожить не болѣе Рябинина, но владѣть вольнѣе Калининъ; Ирина, по своему, но тоже ни въ чемъ и никому не уступить; одинъ развѣ поотсталъ отъ нихъ Фепоновъ, да и то скорѣй въ количествѣ, нежели въ качествѣ. Словомъ, Рябининъ, какъ и каждый изъ нихъ, самъ-четверть лучшій. Но ссылаюсь я преимущественно на него потому, что изъ хорошихъ пѣвцовъ, одного его, Трофима Григорьевича Рябинина, слышали и кромѣ собирателей многіе, въ Петербургѣ, въ залахъ Географическаго Общества, осенью 1871 года. Тутъ нѣкоторые изъ его былинъ были, по уже записанному Гильфердингомъ, еще провѣрены и потомъ напечатаны въ

Русской Старинѣ ¹⁾). Сборникъ Гильфердинга не у всякаго подъ рукой, а Русскую Старину у насъ, и въ столицѣ и въ захолустьѣ, достать всегда не долго. Итакъ, во-первыхъ, многіе, кто слышалъ Рябинина, могутъ по живымъ впечатлѣніямъ провѣрять меня, конечно всего удобнѣе на его же стихахъ; во-вторыхъ, всякій, кому вздумается провѣрить приведенный мною заурядный примѣръ, можетъ тотчасъ,—не въ Сборникѣ, такъ въ Русской Старинѣ,—найти Рябининскихъ же подобныхъ примѣровъ сколько угодно.

Въ сборникахъ народнаго творчества драгоцѣнна для науки и, стало, обязательна собирателю точность передачи живой дѣйствительности во всемъ, даже маломъ и малѣйшемъ. Между прочимъ необходима тутъ и орфографія строго-фонетическая, которая, кстати добавить,—опять-таки у Гильфердинга соблюдена гораздо строже чѣмъ у другихъ. Я сохраняю эту орфографію сборниковъ вездѣ, гдѣ фонетизмъ имѣетъ ритмическое значеніе, хотя бы и второстепенное, напр. только подбора созвучій, или даже только выбора звуковъ ради. Постоянно же, и безо всякой нужды, развлекать вниманіе ваше этимъ шероховатымъ, непривычнымъ глазу, хотя впрочемъ и самымъ, пожалуй, правымъ правописаніемъ, считаю за излишнее и нарочно избѣгаю. Провѣрять меня и тутъ можете по тому же Рябинину; ибо и тутъ обычныя повадки и даже поблажки стиха ради у пѣвцовъ, по крайней мѣрѣ Гильфердингова сборника, чуть-ли ни у всѣхъ однѣ и тѣ же.

---

¹⁾ Русская Старина, т. 5, стр. 497. По Сборнику эти нумера: 75 и 76 (не изъ самыхъ лучшихъ) и 89 (изъ отличныхъ).

II.

Нѣтъ стиха внѣ гармоніи удареній. Я не говорю: полной гармоніи, но внѣ хоть какой нибудь.

А какъ-же силлабическій стихъ, возразятъ мнѣ, гдѣ ударенія безъ мѣстъ; а нѣмецкій Knittelvers, нашъ — какъ-бы назвать, — лубочный, что-ли, стихъ; гдѣ не только удареніе безъ мѣстъ, но и самые слоги безъ счета, гдѣ, словомъ, кромѣ риѣмы ничего стихотворнаго нѣтъ; тутъ удареніе при чемъ-же?

Да риѣма-то сама внѣ ударенья развѣ возможна, въ какомъ-бы стихѣ то ни было? Возьмите тоническій:

Давно грузинки нѣтъ, она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.

(Бахчисарайскій Фонтанъ).

Зачѣмъ произносите вы *опущенá*, а не по обыкновенному *опущена*? Ямбической схемы ради? Ямбическая схема требуетъ удареній на четныхъ слогахъ, допуская при томъ замѣну ямба (—) пиррихией (—), хотя бы и въ концѣ стиха ¹⁾; стало, собственно

---

¹⁾ На практикѣ, по крайней мѣрѣ; у нашихъ поэтовъ, не помню; но у нѣмецкихъ, у Шаллера напр., пиррихій въ концѣ стиха попадаетъ сплошь да рядомъ. Жуковский, правда, и въ переводѣ, напр. Дѣвы Орлеанской, такихъ пиррихійевъ, явно, избѣгаетъ:

Weh mir! Was seh' ich! Dort erscheint die Schreckliche (—)
О страхъ! что вижу я! ужасная идетъ.

Конечно, не сказать-же было:

О страхъ! что вижу я! ужасная идетъ (—).

схемы ради ударенія на 6-мъ слогѣ (при *опущена*) было бы столь-же правильно какъ и на 8-мъ (при *опущеніи*). Но другое дѣло, рифмы ради: *опущена* не рифмуется съ *она*. Въ силлабическомъ стихѣ точно такъ-же:

Здравствуйте, радуйтесь, веселы лкуйте,
А Христа рождешаго всѣ купно празднуйте ¹⁾.

Зачѣмъ *празднуйте*, а не по обыкновенному *празднуйте*? Вѣдь въ силлабическомъ стихѣ ударенья безъ мѣстъ? Да, но кромѣ одного, рифмоваго ударенья. Этому ударенью мѣсто опредѣляется, и не только рифмой, но и самою схемой, хотя и силлабической. Въ нашемъ примѣрѣ схема 13-сложная съ хорейской рифмой, т.-е. съ удареньемъ на предпоследнемъ слогѣ стиха; извольте-же наблюдать эту схему, хотя бы въ иной парѣ стиховъ рифма могла состояться и дактилически, т.-е.

Но, вскорѣ затѣмъ, Жуковскій говоритъ:

Помедли, грозная! не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;

переводя:

Halt ein, Furchtbare! Nicht den Unvertheidigten ( )
Durchbohre! Weggeworfen hab' ich Schwert und Schild;

тогда какъ, сказавъ:

Помедли, грозная! на беззащитнаго ( )
Не опускай руки; я бросилъ мечъ и щитъ;

онъ тѣми же словами, да еще и въ точномъ порядкѣ словъ поданика, передалъ бы и пиррихій. Все-таки-же, стало быть, вольво (Жуковскому) избѣгать, но и можно (Шиллеру) употреблять пиррихию эти. Разница языковъ русскаго съ нѣмецкимъ тутъ ни при чемъ, разумѣется.

¹⁾ Изъ Вертепа (Рождественской мистеріи) св. Димитрія Ростовскаго, поэта замѣчательнаго по техникѣ стиха, какъ и по всему.

при удареньи на слогахъ третьихъ съ конца, извольте произносить ради хореического окончанія схемы:

Лежить въ ясляхъ на сѣнѣ отрочекъ *малѣнкій*,
Тамъ и матушка его и Осяпъ *старѣнкій*.

Малѣнкій, *старѣнкій* тоже-бы, пожалуй, рифма, но дактилическая и, стало, при этой хореически-силлабической схемѣ не допустимая. Въ лубочномъ стихѣ, правда, и этого не соблюдается. Тутъ ударенья рифмуютъ какъ случится; то дактилически (— ∪ ∪):

Хозяйка Балдой не *нахвалятся*,
Ихъ дочка Балдой лишъ и *печалится*;

то хореически (— ∪):

Одинъ Кузьма лишъ Балду не *любитъ*,
Никогда его не *приголубитъ*;

то ямбически (∪ —):

Кузьма не ѣсть, не пьетъ, ночь *не спитъ*,
Лобъ у него заранѣ *трещитъ*...

Но и тутъ все-таки:

Разъ, два, три! догоняйка-ка.
Пустились бѣсѣнонь и зайка;
Бѣсѣнонь по берегу *морскому*,
А зайка въ лѣсокъ *до дому* —

выговаривать по-великорусски *до дому* тутъ нельзя, потому что у дактиля (— ∪ ∪ *до-дому*) съ амфибрахіемъ (∪ — ∪ *морскому*) рифмы не стало бы.

Опровергнуть эти доводы мои можно бы только бѣлымъ стихомъ; конечно, не тоническимъ. Въ бѣломъ стихѣ нѣтъ рифмы, нѣтъ слѣдовательно и, рифмы ради, опредѣленнаго ударенія. Но возможенъ ли такой стихъ? Что лубочный стихъ, — въ сущности та же рифмованная проза, — безъ рифмы обращается въ про-

стую прозу, это явно. Силлабическій-же стихъ, дѣйствительно, пытались обѣлять пущей классичности ради. Что-же выходитъ? Дабы стихъ не становился чистой прозой, раздѣленной, — неощутимо и самому чуткому уху, — на равные, по числу слоговъ, рѣчевые періоды; приходится строго соблюдать въ каждомъ стихѣ не только послѣднее ударенье, но еще и среднее (цезурное). Болѣе 12-ти слоговъ въ силлабическомъ стихѣ вообще, а въ бѣломъ и подавно, кажется не бываетъ ⁽¹⁾; выходитъ, что каждая полудюжина слоговъ, — не болѣе, но можетъ быть и менѣе полудюжины, — группируется около одного постояннаго ударенья (цезурнаго и конечнаго) А въ чемъ-же главная суть тоническаго стиха? Въ группировкѣ около одного постояннаго ударенья, но не полудюжины, а двухъ, трехъ и (пэоны) четырехъ слоговъ. Гдѣ-же существенная разница между тѣмъ и этимъ стихомъ? Мнѣ кажется, силлабическому стиху необходима рифма; бѣлый-же стихъ, — французскій ли, польскій ли, — уже не силлабическій, а, хотя и очень не совершенный, но, все-таки, положительно, тоническій.

И такъ, правда ваша: ничего нѣтъ, кромѣ рифмы, въ лубочномъ стихѣ; и ничего, кромѣ рифмы да счета слоговъ, въ силлабическомъ. Но и моя правда: внѣ ударенья нѣтъ и рифмы, а слѣдовательно и никакого стиха, хотя бы и только — рифмованнаго.

Вотъ что рассказываетъ про это у французовъ: Хотѣлъ кто-то умершему другу своему эпитафію написать; въ стихахъ, какъ водится; но не зналъ какъ стихи пишутся, и справился объ этомъ у людей свѣ-

---

¹⁾ Во французскомъ стихѣ (См. Класс. Версиф., стр. 28); въ русскомъ бывало до 13 слоговъ (См. тамъ-же, стр. 36).

дущихъ. Они растолковали ему; между прочимъ и что такое рифма, очень просто: на такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ по три буквы, по крайней мѣрѣ, и въ томъ числѣ одна гласная, одинаковыя. Онъ и написалъ:

Ci gît mon ami Mardoche,
 Qui fût suisse à St. Eustache;
 Il porta vingt ans la hallebarde;
 Que Dieu lui fasse miséricorde.

Бездѣлицы не досказали ему горемычному, что гласная-то должна быть непременно подакцентная.

Это аксіома; оказывается однако-же, не весьма извѣстная, не только другу покойнаго Мардоша, но и нѣкоторымъ нѣмецкимъ теоретикамъ стихосложенія. Минквицъ напр. (1) считаетъ возможными рифмы: *vergéblichen* (— ∪ ∪) и *verblichen* (— ∪); *er verblich* (∪ —) и *unstérblich* (— ∪); *gnädig* (— ∪) и *jenem ich* (— ∪ —). На чуткое ухо нѣмецкаго ученаго это «Reime, unreine in Hinsicht des Silbengehaltes», но все-таки-же рифмы! Послѣ этого, конечно, не только *Mardoche* и *Eustache*, но пожалуй *Mardoche* и *hallebarde*...

Впрочемъ, Богъ съ ними, и съ Мардошемъ и съ Минквицемъ и рифмами самими. Да и вообще созвучіе оставимте, до поры до времени, вовсе въ сторонѣ. Созвучіе, стихотворное средство не самостоятельное; оно, что украшеніе къ красотѣ, прелестно иногда, но всегда чѣмъ скромнѣе, тѣмъ прелестнѣе, какъ цвѣты въ травѣ: истая лугу краса все-таки трава. Наши съ вами зелены-луга стихъ, шелковá-трава удареніе; тутъ намъ и ворошиться покамѣсть.

1) Johannes Minckwitz: Lehrbuch der deutschen Verskunst, nach neuen Grundsätzen bearbeitet für Universitäten... 3-я Aufl., § 133.

Что-же оно такое, это великое стихозизждительное начало, ударенье? Въ чемъ и какъ проявляется оно?..

Не бойтесь, я не собираюсь повторять при васъ зады версификаціи. Про ударенье, про стопу, про созвучіе, гдѣ прійдется, намѣренъ я сказать, или вѣрнѣй, намекнуть вамъ то только, что до меня, — сколь мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, — или вовсе замѣчено не было, или-же иначе нежели мною понято.

И такъ, удареніемъ называется усиленіе въ произнесеніи одного слога надъ прочими. Усиленіе это выражается, какъ мнѣ кажется, столь же въ громкости, сколь и въ продолжительности произнесенія. Слогъ съ удареніемъ слышенъ *и дальше и дольше* слога безъ ударенія.

Твѣрдо-установившихся названій слоги эти у насъ не имѣютъ; называются то высокій и низкій, то долгій и краткій. Но и тѣ и другія названія односторонни; въ первыхъ не принимается во вниманіе, и какъ бы исключается, относительная продолжительность, а въ послѣднихъ относительная громкость произнесенія. Согласимтесь-же, пока не прищется лучшихъ, на слѣдующія нейтральныя названія: съ удареніемъ слогъ — *звукобой*, безъ ударенія — *холостой*.

Звуковыхъ слоговъ должно строго различать два разбора; ибо удареній весьма различныхъ одно отъ другаго—два рода: 1) ударенье на слогъ, избранный или предназначенный къ тому, въ словѣ, *слоговѣ* удареніе; 2) удареніе на слово, или на слова, главныя по смыслу въ рѣчи, *смысловѣ* удареніе.

Нѣтъ, кажется, учебника версификаціи, ни русскаго, ни иностраннаго, ни новаго, ни стариннаго, гдѣ бы съ первыхъ-же строкъ не заявлялась эта истина о двойственности ударенья и гдѣ бы, затѣмъ, что ни глава, что ни параграфъ, не шла рѣчь, такъ или иначе,

объ удареньи. Стопа, рифма, тонизмъ, силлабизмъ, гекзаметръ, Knittelvers, все характеризуется, что не присутствіемъ, то отсутствіемъ, что не порядкомъ, то безпорядкомъ ударенья. И понятно; ибо въ самомъ дѣлѣ, въ цѣломъ какъ и въ частяхъ стиха, основа всему ударенью. Но поразительно вотъ что: нѣтъ учебника версификаціи рѣшительно ни единого, гдѣ бы про смысловое ударенье было сказано, ну хоть бы только: отчего объ этомъ удареніи ничего не говорится, кромѣ первыхъ строкъ, гдѣ было заявлено, что-де есть и оно ¹⁾).

Что-же тутъ поразительнаго, возразять мнѣ; зачѣмъ теоретикамъ стихосложенія говорить о томъ, что ровно ни при чемъ въ стихотворной практикѣ?

Дѣйствительно. Но вѣдь коли ужъ вообще въ рѣчи человѣческой смысловыя ударенья есть; а стихъ музыкально-гармонизированная, но, затѣмъ, тоже вѣдь рѣчь человѣческая; точно такъ-же съ иными главными, другими второстепенными, по смыслу рѣчи, словами; значить, и со смысловыми удареньями; спрашивается: какъ-же можетъ то, что въ словахъ стиха есть, быть ни причемъ въ гармоніи стиха? Какъ можетъ не приниматься въ расчетъ смысловое удареніе? Да вѣдь при чемъ смысловое ударенье въ рѣчи-то? Случайность оно тутъ, что-ли; т.-е. нѣчто не постоянно необходимое, а только иногда возможное, какъ напр.: стонъ, хохотъ; вообще нѣчто такое, что, при случаѣ, въ видѣ

---

¹⁾ Писано, лѣтъ десять тому, при появленіи Сборниковъ Барсова и Гильфердинга. Съ тѣхъ поръ о смысловомъ (реторическомъ, по ихнему такъ называемомъ) удареньи стали упоминать, напр. г. Шафрановъ (О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи. Спб., 1879). Но опять-же мимоходомъ и только отрицательно, отвергая голословно возможность этого ударенья какъ стихозидательной силы.

исключенія, позволительно стиху допустить въ число своихъ слоговъ или стопъ, но чего никогда не можетъ стихъ воспринять въ себя, не насилуя и не нарушая тѣмъ, хоть сколько-нибудь, своей гармоніи? Но вѣдь нѣтъ; смысловое ударенье не случайность въ рѣчи, ровно на столько-же, на сколько не случайность въ рѣчи смыслъ. Скажите или прочтите что угодно... Позвольте мнѣ, закрывъ глаза, взять съ полки книгу, и гдѣ откроется и куда палецъ ткнѣтся, тамъ съ точки и прочесть.

Пословицы Даля:

Стараго мужа соломкой укрою, молодого сама отогрѣю.

Не угодно-ли вамъ сказать это безъ смысловыхъ удареній, т.-е. не восподъимая ни одинаго слова надъ другими, а точно какъ бы вы сказывали какой нибудь перечень словъ, напр. мѣсяцы: Январь, Февраль, Мартъ, стараго, мужа, соломкой...

Каково, — я ужъ не говорю: нелѣпо, но: — каково непривычно для уха выходитъ оно. Непривычно; значитъ вы привыкли къ иному чѣму-то, чего тутъ не достаетъ. А вѣдь только того, что вы нарочно опустили, недостаетъ тутъ, смысловыхъ удареній. Стало, къ смысловымъ удареньямъ привыкли вы такъ, что безъ нихъ рѣчь дика вамъ кажется. А когда я, какъ открылось, такъ и прочелъ, не насилуя удареній ни чуть и никакихъ, показалось-ли вамъ странно, что у меня восподнялись надъ прочими слова, которыя теперь отмѣчу курсивомъ, явно, по смыслу рѣчи, главныя:

Стараго мужа соломкой укрою, молодого сама отогрѣю.

Нѣтъ; ни теперь, ни тогда странны вамъ эти восподъѣмы не показались. Признайтесь, вы и замѣтили-

то ихъ только теперь, по курсиву; а съ того перваго чтенія, спроси я васъ: были ли тутъ и на какихъ словахъ ударенія? вы бы не сразу отвѣтили. Отчего же такъ? Ясиѣ теперь прочелъ я, что-ли; чеканистѣ на смысловыхъ удареньяхъ? Нѣтъ; читалъ я въ тотъ разъ точь-въ-точь такъ-же какъ и въ этотъ. Или, можетъ быть, вообще неудобозамѣтны смысловыя ударенья? Но вѣдь теперь вы ихъ замѣтили-же очень легко и очень отчетливо. Мудрёное дѣло это объясняется какъ нельзя проще: вы въ тотъ разъ слушали смысла, а не смысловыхъ удареній; сами же собой не могли смысловыя ударенья поразить вашего вниманья, хотя и случились тутъ довольно сильныя, особенно на словѣ *сама*. Но и сильныя смысловыя ударенья такое нормальное явленье въ рѣчи, такая рядовая обыденщина нашему уху, что замѣтить ихъ можно только развѣ нарочно. Слоговыя ударенья тоже вѣдь очень явны; когда же однако вы замѣчаете ихъ? Только въ случаѣ какой нибудь странности. Вы напр. не замѣтили, когда я прочёлъ по обыкновенному *старого*, что вотъ ударенье на первомъ изъ трехъ слоговъ, т.-е. дактиль; *мужа*, что вотъ хорей. Но прочти я *старѣго*, амфибрахій этотъ вы бы тотчасъ замѣтили, какъ ударенье, въ этомъ словѣ, вашему уху, хотя, можетъ быть, и знакомое изъ народнаго языка, но всё таки же не обыденно-привычное. Точно такъ же и смысловое ударенье; всякій разъ какъ только не кинется оно само вамъ въ уши какою нибудь странностью или несуразностью своей, вы его непременно мимо ушей пропустите; но чуть только есть по чему замѣтить, вы его тотчасъ замѣтите. Прочти я напр. вмѣсто: *старого мужа*: *старого мужа*...

Вы ожидаете въ соотвѣтствіе восподнятому, слѣдовательно уже не (*старому* въ соотвѣтствіе) *молодаго*,

а (*мужу* въ соотвѣтствіе) *дружка*, что ли. Но, оказывается, о дружкѣ тутъ у жены и въ помышленьи не бывало; у нея вѣдь еще и мужа-то нѣтъ; а когда, молъ, будетъ, то коли старый... коли молодой... Явно, что *мужа* поднялъ я тутъ напрасно. Этотъ подъѣмъ слова не по смыслу, это не туда попавшее ударенье замѣтить было почему, вы и замѣтили.

Такъ же бы и лишнее, или же, напротивъ, пропущенное смысловое удареніе замѣтили бы вы непременно. Скажи я напр. какъ-бы: Январь, Февраль: сама отогрѣю...

Кстати,—а то, право, не стѣбитъ и разговора этого длить,—посмотрите какъ животворно ударенье смысловое-то; какъ вся мысль вдругъ никнетъ оттого, что подсѣкли одно ударенье, да еще съ какого небольшого словечка, всего-то съ мѣстоименья *сама*. Но,—вотъ то-то и есть,—велико слово не въ грамматикѣ и не въ словарѣ, а въ рѣчи.

Стараго мужа *соломкой* укрою, *молодаго* (не восподъимайте:) сама отогрѣю.

Въ этомъ словечкѣ, да съ этимъ удареньемъ вы подсѣкли что ни самую вершину всего драматизма и всей живописности этой прелестной пословицы не пословицы, этой картинки-поэмы въ двѣ-три черты.

Итакъ,—возвратимся къ тому, что требовалось доказать;—нарушенное, какъ бы то нѣ-было, смысловое ударенье (какъ и нарушенное слоговое) тотчасъ становится замѣтно вамъ; а вѣрно взятое ударенье смысловое (какъ и вѣрное слоговое) постоянно ускользаетъ отъ вашего вниманія. Но постоянно ускользать отъ нашего вниманія можетъ только нѣчто крайне намъ привычное; иначе сказать, всякое явленіеaurядное. Можно-ли, стало быть, смотрѣть на смысловое ударенье какъ на случайность въ рѣчи? Нѣтъ;

по крайней мѣрѣ столь же какъ слоговое ударенье во всякомъ словѣ, смысловое ударенье во всякой рѣчи явленіе заурядное.

Но, то-то, во всякой-ли, возразятъ мнѣ. Хорошо въ этой, — не то пословицѣ, не то цѣлой маленькой поэмѣ, — тутъ такъ все кратко, такъ сжато, такъ многое требуется дополнить выразительностью произнесенія; тутъ чуть ни каждое слово чревато да не только смысломъ, а еще и какъ бы умысломъ: пойми да еще и почувствуй въ чемъ дѣло. *Сама* напр. тутъ значить не только безъ посредства соломки, руками своими, а еще и всѣмъ своимъ тѣломъ. Не мудрено, что приходится тутъ дѣлать смысловыя ударенія такія и столько, черезъ слово на другое, а то и на-два сряду. Но если-бы взять *настоящую* прозу...

При такомъ удареньи на этотъ эпитетъ, я уже вижу чего вамъ угодно. Извольте. Полицейскія Вѣдомости довольно-настоящая проза? Потрудитесь, — это въ самомъ дѣлѣ не тако-то легко, — прочтите, но, чуръ, ни чуть и ни одинаго слова не восподъимая, совершенно монотонно, какъ понамарь, любую публикацію: о пролѣткѣ, почти вовсе не ѣзжаной; о поварѣ, въ совершенствѣ знающемъ свое искусство...

Повѣрьте, Фамусовъ резонно приказывалъ: и календарь читать

. . . . не такъ какъ понамарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Въ переводѣ на языкъ теоріи это значить: читать не монотонно, а съ нужными голосовыми восподъемами, т.-е. съ удареньями; со смысловыми, разумѣется; ибо безъ слоговыхъ удареній не читаетъ и понамарь, это и его утробѣ фокусъ несодѣемый. Тогда какъ безъ смысловыхъ удареній читать можно, но не какъ должно;

развѣ что слова, не мыслію, а только механически между собой связанныя. Таково, вѣроятно, читала Татьяна въ оглавленіи Мартына Задеки.

. . . . . азбучнымъ порядкомъ

Слова: боръ, буря, воронъ, ель,

Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель.

Таково-же, можетъ быть, сказалъ человѣкъ первыя слова свои: воронъ, ёжъ, медвѣдь... и всяко еже аще нарече Адамъ дѹшу живу. Но съ первой мысли какая высказалась еще до человѣка: да будетъ *свѣтъ*; съ перваго событія, записаннаго въ лѣтописяхъ человѣчества: и *бысть* свѣтъ; до послѣдняго что человѣку суждено, какъ мысль или какъ событіе, выразить; ничего и никогда не выражалъ и не выразить онъ иначе какъ со смысловыми удареньями на иныхъ словахъ и только со слоговыми въ остальныхъ.

Какъ же выражается смысловое удареніе? На всемъ-ли словѣ, т.-е. на всѣхъ-ли слогахъ восподъимаемаго слова, или же только на одномъ слогѣ и на какомъ именно?

Смысловое удареніе выражается не иначе какъ на одномъ слогѣ, чего вполне достаточно для восподъѣма всего слова. Обыкновенно совпадаетъ смысловое удареніе со слоговымъ восподъимаемаго слова; такъ что звуковой слогъ этого слова восподъимается уже обоими удареньями вразъ. Въ нашей пословицѣ напр.: СТАраго мужа..., на первомъ словѣ смысловое удареніе есть, на второмъ нѣтъ; слѣдовательно слогъ СТА (въ словѣ *старого*) восподъимается слоговымъ и вмѣстѣ смысловымъ удареніемъ; слогъ му (въ словѣ *мужа*) однимъ слоговымъ; прочіе же слоги того и другаго слова остаются всѣ одинаково холостыми.

Но можетъ и не совпадать смысловое удареніе со слоговымъ; напр.: Будь онъ мнѣ хоть разнедругъ, я

ему все таки другъ. — Одно изъ смысловыхъ удареній этой рѣчи на словѣ *разнедругъ*, на характерномъ прибавочномъ слогѣ *раз*; а слоговое удареніе слова *разнедругъ* на слогѣ *не*. Вѣдь вы произносите: Будь онъ мнѣ хоть РАЗ-нѣ-другъ, а не: *разнедругъ* (— ∪ ∪).

Который же слогъ сильнѣе, въ такомъ случаѣ, по своему ударенію: *раз* или *не*? Иначе сказать: которое удареніе сильнѣе само по себѣ, смысловое или слоговое?

Народные пѣвцы, въ случаяхъ, весьма впрочемъ рѣдкихъ, развода удареній смысловаго со слоговыми, отводятъ въ слоговой стихотворной іерархіи своей высшее мѣсто смысловому ударенію. Чтобы доказать это примѣрами, нужно сперва объяснить, какія тутъ мѣста и почему высшія или низшія; доказывать не долго-бы, но объяснять еще не время. Могу однако и теперь уже на вопросъ этотъ дать отвѣтъ, хотя и не прямой, но покаместъ вполне удовлетворительный. Разводъ удареній смысловаго со слоговымъ явленіе исключительное, весьма рѣдко возможное, а и того рѣже нужное; такъ что должно оно быть уже очень умѣстно, чтобы не стать просто взбалмошнымъ. Обыкновенное же явленіе, которое къ этому исключительному относится какъ весь Уралъ къ нѣсколькимъ песчинкамъ; явленіе, можно стало сказать, почти всегдашнее: совпаденіе и взаимнодѣйствіе обоихъ удареній; причемъ, будетъ ли x (сила смысловаго ударенія) больше y (силы слоговаго ударенія), или меньше, или же будутъ они равны; но вѣдь сумма силъ во всякомъ случаѣ больше одной изъ силъ; $x + y > y$, слогъ усиленный смысловымъ удареніемъ по обыкновенному, т.-е. сверхъ слоговаго ударенія, сильнѣе слога усиленнаго однимъ слоговымъ удареніемъ: это аксіоматически несомнѣнно. Этого съ насъ покаместъ и довольно; довольно чтобы отнынѣ впредь признавать уже не два, а три разбора слоговъ; уже не

только слогъ безъ ударенья (холостой) да съ какимъ ни на-есть удареньемъ (звуковой); нѣтъ, а и звуковой еще необходимо подраздѣлять по качеству ударенья, коимъ слогъ этотъ окончательно отозвучился (y или $y + x$); и слѣдовательно подраздѣлять звуковой слогъ на простой и на сугубый, или на малый и на большой.

И такъ условимтесь называть: 1) *холостымъ*, какъ уже было сказано, слогъ безъ всякаго ударенія; 2) *малымъ* звуковымъ слогъ усиленный однимъ слоговымъ удареніемъ, и 3) *большимъ* звуковымъ слогъ усиленный смысловымъ удареніемъ по обыкновенному, т.-е. сверхъ слоговаго ударенія.

Впослѣдствіи увидимъ, что въ эту-же послѣднюю рубрику должно ввести и слогъ отозвученный однимъ, — т.-е. мимо слоговаго, — смысловымъ удареніемъ.

Изображать въ схемахъ три эти разряда слоговъ будемте, чтобы не заводить новыхъ знаковъ: 1) знакомъ краткости ($\smile$) холостой слогъ, 2) знакомъ долготы ($-$) звуковой малый, и 3) знакомъ долготы со значкомъ акцента ($\_$) звуковой большой ¹⁾.

И такъ, слоговое количество тройственно. Въ тройственность всегда какъ-то вѣрится; и однако-же не миновать мнѣ тутъ возраженія: въ теченіи рѣчи нашей было замѣчено, что въ пословицѣ *старого мужа...* смысловыя ударенія случились вообще довольно сильныя, особенно-же на словѣ *сама*. Смысловое удареніе бываетъ, значить, разной силы, и, стало быть, количество большаго звуковаго слога не постоянно само себѣ

---

¹⁾ Таково въ схемахъ; въ текстѣ-же, разумѣется, будетъ и у меня по общепринятому знакъ акцента надъ гласной ($\acute{}$, $\grave{}$) указывать мѣсто, а не качество ударенія: *спорóдила* или *спородѣла* должно въ данномъ разѣ выговаривать; о знакѣ краткости надъ гласной, хотя бы и не надъ *и*, конечно и оговариваться нечего.

равно. Возникаетъ слѣдовательно вопросъ: опредѣлимы-ли степени смысловаго ударенія; и если да, то почему-же не подраздѣлить еще и большой звуковой слогъ на сколько тамъ окажется категорій; если же нѣтъ, если неуловимы, — какъ оно уже съ перваго взгляда видится, — а неуловимы стало и не опредѣлимы степени этого, животворящаго рѣчь, живаго ударенія смысловаго; то какъ-же возможно сора: мѣрять, сопоставлять въ количественную постепенность двѣ величины опредѣленныя (слоги холостой и малый звуковой), съ третьей величиной неопредѣлимой (съ большимъ звуковымъ)? И такъ, къ чему-же сводится новоявленная тройственность паша; къ чему ли нибудь бѣльшему тройственности, или-же просто къ невозможности и т.-е. опять къ старой двойственности?

Возраженье, въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ бѣдовое; но отвѣтить на которое позвольте, во-первыхъ, вопросомъ-же: да правда развѣ, что слогъ, взятый независимо отъ ударенія, отъ какого бы то нибыло, и слѣдовательно прежде всего холостой слогъ постоянно самъ себѣ равенъ; такъ-же и про удареніе слоговое, правда ли, что оно постоянно само себѣ равно? А ежели ни то ни другое не правда, то исчислимы ли и опредѣлимы ли, — какъ въ слогѣ, такъ и въ слоговомъ удареніи, — всевозможныя категоріи количественной разницы?

Возьмите слогъ независимо отъ ударенія. Слогъ можетъ состоять: 1) изъ простой полной гласной, *у* въ словѣ *уродъ* ¹⁾. Это, кажется, *minimum* слоговаго коли-

---

¹⁾ Говорить по-новому: гласный, согласный, подразумѣвая звукъ, а не букву, хотя и вѣрнѣй, пожалуй, да не привычно; отчего и говорю по старому: гласная, согласная, подразумѣвая букву, но конечно какъ звукъ, а не какъ начертаніе.

чества. Слогъ можетъ состоять 2) изъ гласной сложной, т.-е. изъ дифтонга; изъ восходящаго, *ю* въ словѣ *юродивый*, $ю = \dot{y} + y$; или изъ нисходящаго, *уй* въ словѣ *уй-ми*; 3) изъ обоюднаго дифтонга, т.-е. уже изъ трифтонга: *яй* въ словѣ *яй — цо*, $я = \dot{y} + а$, $яй = \dot{y} + а + \dot{y}$. 4) Къ основной гласной слога, къ простой ли полной, къ сложной ли, могутъ присоединяться по одной или по нѣскольку (maximum, кажется, шесть) согласныхъ. Допустимъ, что сама собой согласная ничего къ количеству гласной не прибавляетъ; но когда согласная вошла въ слогъ первоначально съ гласной, со своей, во время оно полной, потомъ сократившейся и, наконецъ, опущеной; но вѣдь гдѣ опущеной? На письмѣ, это еще не значить опущеной въ самомъ дѣлѣ т.-е. въ говорѣ. Всѣ пишутъ напр., *вер..хъ*, *смер..тъ*, и всѣ, кто хорошо говоритъ, выговариваютъ: *верѣхъ*, *смерѣтъ* т.-е. сохраняютъ въ говорѣ ту сократившуюся гласную (*верѣхъ*, *смерѣтъ*), которую народъ, пѣвцы по крайней мѣрѣ, и по сегодня, не только восстанавливаютъ въ словахъ этихъ, а еще и переводятъ изъ мягкаго звука *е* въ твёрдый *о*, да еще и йотируютъ это *о*, т.-е. изъ простой или изъ единицы гласной дѣлаютъ дифтонгъ, гласную, хотя и не двойную конечно и, даже можетъ быть, не полуторную, но все таки-же ббльшую единицы.

На *верѣхъ* онъ влалъ сѣдлышко черкальское
Сустига́ла злодѣй скорая *смерѣтушка*.

Или напр. пишется: *всплескъ*, но выговаривается, хотя бы и не на всякое тугое ухо слышимо: *въ съ-пѣлескъ* (изъ предлогонъ *во-со* и слова, — однобóреннаго и чуть ли ни тождественнаго съ *полоскать*, — *пѣ-лескать*). Неужели этакій слогъ, да еще въ очень возможной формѣ *всплѣскъ*, разложимой (при $\dot{e} = \dot{y} + o$) на $v + \dot{z} + c + \dot{z} + n +$

+ѵ+л+й+о+с+к+ѵ, все таки-же, не смотря на все это сѹсложье пяти краткихъ гласныхъ и шести согласныхъ, равняется ничему больше, какъ тому же простому *о* или *е*, которымъ слогъ этотъ исконно обогласился? Нѣтъ; ужь вѣроятнѣе, по моему, другая крайность, что нѣтъ двухъ слоговъ различныхъ по обогласкѣ своей и другъ другу количественно равныхъ; вѣроятнѣе напр., что мягкая гласная количественно неравна твердой, что и однородныя гласныя напр. мягкія неравны количественно другъ дружкѣ; таково-же, разумѣется, и дифтонги; да еще равны ли односоставные дифтонги восходящій нисходящему, *я* равное *й+а*, равно-ли *ай*?

Да мало того, одна и та же гласная, — конечно въ ударенія взятая, — всегда ли равна сама себѣ? Вслушайтесь какъ различно произносить новгородецъ одно и то же холостое *о* въ словахъ *о-сто-рож-но*, *хо-ро-шо*, *хо-хо-локъ*; и потомъ, какъ произносить москвичъ эти же холостыя *о*, совсѣмъ ужь иначе, но опять же таки всѣ различно. Я назвалъ новгородца и потомъ москвича не для того, конечно, чтобы помянуть про областную разницу въ произношеніи того-же самаго; а для того, чтобы новгородецъ откровенностью произношенія своего облегчилъ вамъ разслышать скрытное произношеніе московское; которое потому что оно стало нашимъ литературнымъ произношеніемъ, становится вмѣстѣ и обще-русскимъ, а слѣдовательно и нормальнымъ для нашихъ съ вами разсужденій. А согласныя, — если ни звукомъ своимъ и ни порядкомъ, то числомъ, по крайней мѣрѣ, — не измѣняютъ ли чего нибудь въ количествѣ слога? Равны-ли количественно *ле*, *пле*, *спле*, *впле*?

Что собственно доказать стремился я всѣми этими доводами? Что слогъ, независимо отъ ударенія взятой, не всегда равенъ самому себѣ, т.-е. бываетъ

и болѣе единицы слога. Согласитесь, что вѣдь уже совершенно неопровержимо было-бы это доказано, если бы я смогъ привести вамъ такой слогъ, гдѣ краткая гласная произносилась-бы не скрытно (какъ въ односложьи *Богъ*), и не сліянно въ восходящій или въ нисходящій дифтонгъ (какъ въ односложьяхъ *я* и *яй*). Но развѣ нѣтъ въ русскомъ языкѣ такихъ слоговъ, гдѣ краткая гласная, являясь иногда и самостоятельно, произносится не слитно съ сосѣдней, непосредственно необходимой гласной, либо полной либо тоже краткой? Напр.:

1) Несамостоятельно, въ сосѣдствѣ съ полною гласной:

Я не *й*ду къ вамъ во Черниговъ воеводую.

2) Несамостоятельно, въ сосѣдствѣ съ краткою гласной:

Услыхалъ ёго (=ыго) добрый конь да во чистомъ-полѣ.

3) Самостоятельно, въ сосѣдствѣ съ полною гласной:

Да *й* свочіла-то Настасья черезъ злотъ-стулъ
Й оперласъ о его плѣчка о могучія.

Ни Рябина и никого изъ пѣвшихъ въ Сборники наши слышать не случилось мнѣ; но подобное отъ другихъ я слыхалъ, и увѣренъ,—провѣрьте на дѣлѣ: пѣвцы произносятъ въ послѣднемъ стихѣ не *ё*перлась, слитно въ обыкновенной дифтонгъ *й + о = ё*, а явственнно-раздѣльно краткое *и* и чистое *о*; и такъ-же *да й*, не какъ-бы глагола *дать* повелительное *дай*.

Говорила паленіца *й* горько плавала:

Не произносятъ во-едино паленіца*й*.

Да и въ просторѣчи мы съ вами, какъ не пишемъ воедино, какъ не переносимъ со строки на строку: *ней—ду*, или: око видитъ да зубъ *ней—мѣтъ*, такъ и выговариваемъ: отдѣльно *не* и отдѣльно *иду*, *ймѣтъ*.

То онъ все ѣствушкой кормилъ ихъ да сахарною,

То онъ (при $o = \text{ъ}$) = *тъ онъ* не произносятъ пѣвцы воедино какъ-бы *тонъ*; и точно такъ-же не произносятъ дьяконъ (сокращенное и усѣченное изъ *во оный*) *въ онъ*, какъ-бы *вонъ*; и точно такъ-же не произноситъ никто *съ ума*, какъ-бы *сума*; или, — при дифтонгѣ оно еще отрѣзистѣй слышно: *сѣмка*, какъ-бы *Сѣмка*, *сѣлъ*, какъ-бы *стлъ*. И не даромъ отрѣзистѣй, а потому что на сколько *су* меньше *сзу*, на столько-же *сзу* меньше *сѣ* (= *съ* + *й* + *о*), т. е. опять-же на одну краткую гласную.

И такъ, согласитесь въ томъ, во первыхъ, что не всѣ слоги количественно между собою равны; а во вторыхъ и въ томъ, что категоріи разницы тутъ едва ли уловимы.

Теперь про ударенье слоговое. Оно всегда-ли само себѣ равно?

Предполагается, что да, всегда. Извѣстно, затѣмъ, что каждое самостоятельное слово имѣетъ свое ударенье. Возьмите слово составное все изъ самостоятельныхъ, напр. *Кіевозлатоверхомихайловскій* (монастырь). Предположимъ, что каждый изъ этихъ составовъ, какъ имѣлъ, такъ и сохранилъ свое ударенье. Произнесите-же съ четырьмя совершенно равными удареньями: *Кіево-злато-вѣрхо-михайловскій...*

Жаль, право, что вы не въ самомъ дѣлѣ тутъ со мной, послушать-бы вамъ: тихая деревенская лѣт-

няя ночь, одинъ за рѣкой дергачъ кричитъ. Ни дать ни взять, эти ударенья: *Кіево-злато-верхо...*

Предположите, напротивъ, что составы слова *Кіево-златоверхомихайловскій* всѣ, — кромѣ одного, размѣтся, — роняютъ свои ударенья; и произнесите, съ удареньемъ въ первомъ составѣ (*кіево*—) т.-е. на первомъ слогѣ всего слова и, затѣмъ, слѣдовательно, десять холостыхъ сряду. Невозможно человѣчьимъ языкомъ этакую дробь пробарабанить. Посмотримъ, не легче-ли будетъ: съ удареньемъ въ послѣднемъ составѣ (*михайловскій*) и слѣд. первые только ужъ восемь слоговъ холосто. Нисколько не легче. Съ удареньемъ въ *злато* и, затѣмъ, семь слоговъ холосто. И наконецъ, что ужъ самое въ данномъ разѣ, кажется-бы, легкое: съ удареньемъ на средній изъ одиннадцати слоговъ, въ словѣ *верхо*—и слѣдовъ до и послѣ ударенья по пяти холостыхъ, только. И что же все таки? Какъ ни старайтесь, какъ ни безобразьте произношенія, скрадывая до нельзя ударенія съ десяти, съ осьми, съ семи, съ дважды пяти слоговъ; ничего, кромѣ все той-же гримасы, не выходитъ.

Но допустите, хотя-бы только для опыта: во первыхъ, что каждое самостоятельное слово русскаго языка, простое-ли, составное-ли и сколько-бы ни много-составное, имѣетъ полное слоговое ударенье всегда только одно; а во вторыхъ, что никогда слово ударенья своего не теряетъ безслѣдно; но что въ составѣ съ другимъ словомъ ударенье слова подчиненнаго ослабѣваетъ; въ непосредственномъ, первичномъ составѣ ослабѣваетъ ударенье, обыкновенно, на одну только степень; во вторичномъ составѣ, непременно, по крайней мѣрѣ на двѣ степени, и т. д., буде дальнѣйшее подчиненье возможно. Разберите по составамъ слово *Кіевозлатоверхомихайловскій*. Явно, по значенью, что

преобладаетъ составъ тутъ послѣдній: *михайловскій*; что этому составу непосредственно подчинены составы *Кіево-* и *златоверхо-*. Составъ-же *златоверхо-* и самъ еще составной; этого состава подчиненный составъ: *злато-*. Означьте допущенныя вами степени слоговаго ударенья цифирно: степень полного ударенья—единицей; степень ударенья въ первично-подчиненномъ составѣ-двойкой; во вторично-подчиненномъ-тройкой; и произнесите согласно тому: *Кіево-злато-верхо-михайловскій монастырь*. Выходить, какъ разъ, хорошо. Правда, стало быть, что, по крайней мѣрѣ въ составныхъ словахъ, возможны разныхъ силъ слоговыя ударенья.

Таково ли же и въ несоставныхъ? Посмотримте. У Воейкова есть гексаметръ:

Чаще молись, принося умиловителъны жертвы.

Въ тоническомъ стихѣ, въ ямбическомъ или въ хорейскомъ, т.-е. въ состоящемъ изъ двусложныхъ стопъ, дозволяется замѣна ямба и хорей чистымъ дибрахіемъ. Но трехсложную стопу, какую бы то ни было, замѣнять чистымъ трибрахіемъ не дозволяется никогда. Въ гексаметрѣ же замѣна звуковаго холостымъ, какъ въ дактилѣ, такъ и въ хорей, строго воспрещается. Тутъ всѣ шесть *арсисовъ* (удареній на первомъ слогѣ стопы) непремѣнно должны быть на лицо; иначе не-съ-чего бы и называться гексаметромъ т.-е. шестимѣрнымъ или шестиподъѣмнымъ стихомъ именно и только этому стиху. Употреби, слѣдов., Воейковъ одно слово въ двѣ полныя стопы, но только съ однимъ удареньемъ, стопа безъ ударенья тотчасъ рѣзанула бы намъ ухо. Но рѣжетъ ли ухо:

Чаще молясь, приноси умиловителъны жертвы.

По моему, ничуть не болѣе нежели:

Съ *длинновесельными* въ бѣру морскую погѣбъ кораблями,

строга - правильный гексаметръ Жуковского.

Равными нельзя признать ударенья ни въ *длинновесельныхъ*, — гдѣ, явно, второе сильнѣй, — ни въ *умилостивительныхъ*, — гдѣ напротивъ, второе послабѣй.

Итакъ, ежели, что, по моему, неоспоримо, — *умилостивительны* съ *длинновесельными* одинаково правильны въ гексаметръ; очевидно, стало быть, что разной силы слоговыя ударенья возможны, какъ въ составныхъ словахъ (*клевозлатоверхомихайловскій, длинновесельный*), такъ и въ несоставныхъ (*умилостивительная*).

Итакъ, правда ваша: разная бываетъ сила смысловаго ударенья; но вѣдь и слоговаго тоже, и тоже слога самого по себѣ, а слѣдовательно правда и моя: слоговыхъ разборовъ все таки три; какъ дерево, кустъ и трава неодинаковые каждый разборъ самъ въ себѣ, и все таки же явно-различные между собой. Пусть даже бываетъ трава выше инаго куста и кустъ выше инаго дерева, но слѣдуетъ ли изъ этого, что, разводя садъ, не стоить разбирать, можно или даже разумно мѣшать въ одну крошню сѣмена газона, кустарника и деревьевъ? Нѣтъ, все-таки же должно ихъ сѣять группируя, гармонизируя другъ къ дружкѣ дерево; кустъ и луговину.

Силлабисту-стихотворцу слоги, кромѣ рифмовыхъ, всѣ тринь-трава; тонистъ-стихотворецъ поднимается тоже не выше куста; одинъ соловьемъ съ дубовъ заливается нашъ русскій народный стихъ.

Основа русскаго стиха смысловое ударенье. Создавая схему, народъ прежде всего опредѣляетъ въ ней мѣста этому большому ударенью; напр. изъ 13-ти мѣстъ былинной схемы мѣста 3-е, 7-е и 11-е, иначе сказать:

3-е съ начала, 3-е съ конца и серединное изо всѣхъ

Не хочу служить невѣрному тебѣ царю ¹⁾.

Единый вѣдь всѣ у Бога люди созданы ²⁾.

По этимъ удареньямъ отбиваются стопы русскаго стиха: стопа виждится смысловымъ удареньемъ.

Смысловое ударенье невозможно внѣ смысла; въ слогахъ смысла нѣтъ; русская стопа слѣдовательно не можетъ состоять изъ слоговъ; ни точно также изъ не смысло-способной суммы словъ. Стопы: *гнѣвъ бо—гиня вос—ной Ахил—леса Пе—лева*, что ни стопа то чепуха; такой стопѣ вмѣстимо ударенье независимое отъ смысла, т.-е. слоговое; смысловое же никоимъ образомъ. Точно также, еслибы стопа состояла просто изъ набора словъ: *гнѣвъ богиня*, или: *не хочу тебѣ*. Иное дѣло связь словъ, или же и одно слово, но полно-смысленное. *Не хочу служить*, въ этой связи словъ есть смыслъ, есть слѣдовательно и смысловое ударенье, смотря по цѣлой мысли: *не хочу служить (и не буду)*, или: *не хочу служить (но готовъ дружить)*. Ежеди, стало быть, при данной (былинной) схемѣ приходится, по данному тутъ смыслу, смысловое ударенье на *своемъ мѣстѣ*, на третьемъ съ начала: *не хочу служить*, то это сочетанье словъ годится быть первою стопой этой схемы. Таково же и далѣе: *не хочешь служить, кому? Невѣрному* (одно, но въ данномъ разѣ полно-смысленное слово). Кому же невѣрному? — *Тебѣ, царю*.

При этомъ, конечно ужь, схема стиха не можетъ быть чѣмъ нибудь вродѣ: дактиль, дактиль, дактиль, или: дактиль, хорей, дактиль, хорей; ибо въ неподвижно-предвзятую стопу пригонять цѣдикомъ слово,

¹⁾ Говорить Илья неврещену царю Калину.

²⁾ Говорить староста мировому посреднику у Ирины Федосовой.

или слова, да еще въ смысло-способномъ сочетаніи, значило бы сдѣлать стопу или Прокрустовой кроватью словамъ, или же каторгой автору. Самый терпѣливый стихоплётъ, а ужь подавно народъ, воймя - взвыль бы отъ этой чумичкиной задачи. Итакъ болѣе нежели вѣроятно, загодѣ явно, что русскій идеаль стиховаго строя стопъ: самозаконная красота, а не однообразная красивость, не шеренга: люди усъ въ усъ, кони ухо въ ухо, всѣ и вся волосъ къ волосу, а хоръ: голосъ къ голосу; что *сдержжава* русскаго стиха: установленныя, неподвижно-установленныя данной схемою, мѣста смысловыхъ удареній (въ былинномъ стихѣ 3-е, 7-е и 11-е); но что затѣмъ стопа растяжима, имѣетъ свои *minimum* и *maximum*, которыя и не трудно предугадать.

Явно, что *minimum* первой стопы въ былинной схемѣ: три слога, ибо иначе стопа эта не хватила бы до перваго смысловаго ударенья; а *maximum* ея: шесть слоговъ, ибо при семи она перехватила бы во второе смысловое ударенье. Таково-же, только съ конца ведя, *minimum* и *maximum* послѣдней, т.-е. третьей стопы: *minimum* 3 слога, потомъ 4, 5, и *maximum* 6. Затѣмъ средней стопы *minimum* и *maximum* получается уже по готовымъ даннымъ: изъ 13 (всѣхъ слоговъ стиха) вычесть 6 (*maximum* первой стопы) и 6 (*maximum* послѣдней), итого 12, получится *minimum* средней стопы: 1; и тѣмъ-же способомъ: $13 - (3 + 3) = 7$, ея *maximum*. И въ самомъ дѣлѣ:

Не хочу служить (невѣрному) тебѣ царю, $5 + 4 + 4 = 13$.

Единъ вѣдь всѣ (у Бога) люди созданы, $5 + 3 + 5 = 13$.

Не до сна (лѣсопромышленнику) въ пѣловодь $3 + 7 + 3 = 13$.

Похристосовался (Царь) съ Екатеринушкой $6 + 1 + 6 = 13$.

При всѣхъ этихъ, и подобнымъ, формулахъ тактъ одинъ и тотъ же.

А какъ же обходится народъ съ малыми звуковыми и съ холостыми слогами? Допытаться тоже не трудно; стоить только перемѣнить ударенье въ несмысловыхъ словахъ: вмѣсто ямба (— —, *служить, царю*), поставьте хорей (— —, *видѣть князя* ¹⁾) и вслушайтесь; вмѣсто стройнаго стиха:

Не хочу служить (— —) невѣрному тебѣ царю (— —),
выходить проза:

Не хочу видѣть (— —) невѣрнаго тебя князя (— —).

Но попробуйте въ стройномъ стихѣ:

Едины́ всегда у Бога люди созданы,

вмѣсто ямба (— —, *всегда*) поставьте спондей (— —, *мы всѣ*), и первая стопа со спондеемъ въ концѣ выйдетъ столь же стройна какъ и (неизмѣненная вами) третья съ *пиррихией* въ концѣ:

Едины мы всѣ (— —) у Бога люди созданы (— —).

Законъ, слѣдовательно, явствуетъ самъ собой: слоги дальшіе отъ стержневаго слога стопы, т.-е. отъ смысловаго ударенья, должны быть больше слоговъ ближнихъ къ стержневому, или же равны имъ; такъ что въ концѣ стопы нельзя замѣнять ямбъ хореемъ, и наоборотъ, въ началѣ стопы нельзя замѣнять хорей

---

¹⁾ Выраженья: ямбъ, хорей, и т. п., я употребляю тутъ не какъ опредѣленья стопы, ибо ничего подобнаго классическимъ или псевдоклассическимъ стопамъ нѣтъ и не можетъ быть въ русскомъ народномъ стихѣ; я употребляю тутъ эти выраженія просто какъ привычныя названія слоговыхъ сочетаній; только для краткости, чтобы не говорить: звуковой слогъ среди двухъ холостыхъ, говорю: амфибрахій, и т. п.

ямбомъ; спондеи же и пиррихиі одинаково законны, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стопы.

При растяжимости стопъ первой и послѣдней отъ трехъ до шести слоговъ, а средней отъ одного до семи; при возможности около стержневаго быть то хорею, то ямбу, то спондею и полуспондею, то пиррихию и полупиррихию, а около средняго стержневаго, кромѣ всего этого, еще и трибрахию и дактилю и анапесту; при большой независимости одной стопы отъ другихъ, такъ что напр. въ томъ же стихѣ первая стопа можетъ быть въ 6 слоговъ, а послѣдняя въ три, и наоборотъ; или напр. одна стопа можетъ состоять вся изъ звуковыхъ, а другая или обѣ другія сплошь (кромѣ, разумѣется, стержневыхъ слоговъ) изъ холостыхъ; или напр. въ одномъ стихѣ можетъ быть 10 холостыхъ:

Похристосовался Царь съ Екатеринушкой

(( ) ( ) ( ) ( ) ( ) ( ) ( ) ( ) ( ) ( ))

а въ другомъ 10 малыхъ звуковыхъ:

Вѣкъ ты другъ мнѣ былъ, свѣтъ сынъ мой, нонъ ты врагъ мнѣ сталъ.

(— — — — — — — — — —)

При такомъ, говорю, разнообразіи понятно, что русскій стихъ не только не нуждается въ рифмѣ, но что чередовое побрякиванье этихъ бубенчиковъ съ трубадурова тамбурина тутъ бы просто невыносимо. И въ самомъ дѣлѣ, только иногда, красной рѣчи ради, играетъ созвучіемъ *соответно-смысловыхъ словъ*, а не слоговымъ однозвуканьемъ пробавляется русскій стихъ.

Наконецъ, въ отношеніи стиха къ стиху явно, что при смысловой цѣлости каждой стопы, а всего стиха ужъ и подавно, невозможна разброска логически-

сопринадлежащихъ словъ изъ одного стиха въ другой. У силлабиста и у тониста: какъ, пожалуй, что ни стопа, такъ, пожалуй, и что ни стихъ то ложка окрошки:

Въ косматой рысей шапкѣ, съ лукомъ —
Каленныхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ.

У русскаго народа: пѣсня что вѣнокъ, стихъ что цвѣтокъ, стопа что лепестокъ: все и каждое по своему цѣльно.

Но все это явно-то явно, а надо и доказать.

III.

Прочтите слѣдующіе стихи, сильно ударяя на подчеркнутые слоги. 3-й, 7-й и 11-й. На прочіе-же, 1-й и 2, 4, 5 и 6, 8, 9 и 10, 12 и 13, — о нихъ рѣчь впереди, — будемте смотрѣть до поры до времени, какъ-бы на сплошь холостые; ибо, покамѣсть, вопросъ только въ томъ: правда-ли что въ каждомъ стихѣ былинной, 13-сложной, схемы непремѣнно 3, 7 и 11 слоги суть звуковые словъ главныхъ по смыслу рѣчи.

Примѣры буду брать почти на выдержку, но нарочно у разныхъ пѣвцовъ, перваго, втораго и, пожалуй, даже третьяго разряда; и нарочно изъ былинъ про разныхъ богатырей; потомъ изъ молодецкихъ, потомъ изъ бытовыхъ, дабы вы сразу-же видѣли, что схема эта не есть частная нѣкоторыхъ, а общая чуть-ли ни всѣхъ былинъ всякаго пѣвца.

Начнемте, какъ начинается Гильфердинговъ Сборникъ, съ Калинина. Первый по порядку Калининъ и по достоинству одинъ изъ первыхъ; а вѣдь первую

пѣсню зардѣвшись пѣть, такъ и быть; но спѣвши, за пѣсню краснѣть, признаюсь, на первый разъ не хотѣлось-бы. У Калинина-же, я знаю, хорошихъ примѣровъ искать не долго: гдѣ откроется. Открылась однако не изъ лучшихъ его былинъ: Ставѣрь Годиновичъ ¹⁾, стр. 73, 74; но все равно, есть и тутъ сплошь хорошее. Возьмемте напр. съ той страницы послѣдніе, съ этой первые стихи. Жена спрашиваетъ у Ставра:

Ты за *что-же посаженъ* да былъ во *погребѣ*?—
 Я *похвасталъ* нынѣ *тобой* да *молодой* женой,
 Что ты *встѣхъ* князей-*бояръ* теперь *повыманишь*,
 Что-ли *Солнышка* *Владимира* съ *ума* сведѣшь,
 А *поѣдимъ*, *Василиста* дочь *Никулична*,

. . . . .

Позвольте; пусть дальше споетъ намъ другой пѣвецъ. Калининъ былъ изъ перваго разряда, теперь изъ втораго ктонибудь, кто про Ставра знаетъ. Абрамъ Евтихievъ напр. первый, помните-ли, съ кѣмъ и самъ Гильфердингъ и мы черезъ него познакомились; по прозвищу Чуковъ, онъ пусть продолжаетъ:

Не *поѣдимъ* больше *кѣ-граду* ко *Кіеву*
 Да ко *ласковому* князю ко *Владимиру*,
 А *уѣдимъ* мы во *землю* *Ляховицкую*.
 Говорила *Василиста* дочь *Никулична*:
 А не *честъ-хвала* *тебѣ-ка* *добру-мѣлодцу*
 Тебѣ *вѣровски* изъ *Кіева* *уѣхати* ²⁾.

¹⁾ Былина по содержанію прекрасная; но говоря безъ дальнѣйшихъ опредѣленій: не изъ лучшихъ, и т. п., я всегда подразумеваю: по стиху; и даже прямо: по количеству правильныхъ стиховъ не лучшая, что-ли.

²⁾ Если-бы ударенія подобныя *вѣровски*, *кѣ-граду*, не были выставлены тутъ-же самимъ собирателемъ (см. стр. 774), я или не взялъ-бы этого примѣра, или же указалъ-бы на тѣ-же слова съ выставленными на тѣхъ-же слогахъ удареніями гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Сборника. Я сослался бы напр. на обозначенное собирателемъ (въ нашемъ

Два пѣвца пѣли намъ изъ одной былины; теперь пусть тотъ-же неперворазрядный Чуковъ споётъ намъ изъ другой, напр. — на слѣдующей-же страницѣ, — изъ былины о Дюкѣ Степановичѣ.

Съ перваго приступа къ былинѣ пѣвцы обыкновенно слабы стихомъ ¹⁾; Чуковъ всегда. Но вотъ онъ наладился:

Онъ сидитъ орелъ на бльенькомъ на камешкѣ,
И когда онъ утрить перъеце орлиное,
Тогда ѣздить мужики они индѣйскіе,
Покупаютъ это перъеце орлиное,
И привозятъ это перъеце орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.

И пусть о томъ-же Дюкѣ споётъ намъ, ну вотъ хоть, слѣдующій въ Сборникѣ за Чуковымъ, тоже изъ второстепенныхъ, Касьяновъ; но уже не о перьяхъ, которыя, по его словамъ:

Подороже-то атласу, рыта-бархату
Почупали мужички-то да индѣйскіе,
Приносили это пѣрышко въ подарочекъ;

а чтонибудь о самомъ Дюкѣ. Онъ состязается съ Чурилой; во всемъ оказывается Чурило хвастуномъ, Дюкъ молодцомъ; а бьются они о великъ-закладъ, о буйныхъ своихъ головахъ. Теперь ударились они перескочить на коняхъ верхомъ Пучай рѣку; кто не перескочить, тому голова—долой. Князь все время за своего Чурилу противъ пріѣзжаго Дюка. Но и тутъ Чурила въ воду вверзился, Дюкъ перескочилъ, да еще и его съ конемъ изъ воды выхватилъ.

разъ какъ и у Чукова), у Калинина ударенье въ томъ-же самомъ словѣ того-же стиха и той-же былины, насилуванное точно таково-же:

Что-ли *вѣровски* изъ Кіева ухватя.

¹⁾ А соотвѣтственно стиху и содержаніемъ; примѣры того и причины этому вполнѣдствіи.

Ай ты Солнышко Владиміръ Столькокѣвскій!
 Намъ которому съ Чурилой голова-рубить?
 Тутъ проговоришь Владиміръ Столькокѣвскій:
 Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-тко ты Чурилѣ буйной-головы,
 Ты оставь ко намъ Чурилу хоть для памяти ¹⁾.

Двое пѣли о Ставрѣ, двое о Дюкѣ; подлѣ Дюка въ каталогѣ былины (стр. LIV) Дунай; послѣдній номеръ о немъ 272-й; кто это? лишь бы не изъ самыхъ плохихъ пѣвцовъ; Гурьбинъ, опять изъ второстепенныхъ, и опять не налаженные первые стихи пропустивъ:

Еще *всѣ* у насъ во Кіевѣ поженены,
 А дѣвѣцы-то вдовицы за мужъ *выданы*;
 Еще *я-то-де* Владиміръ не *женатъ* хожу;
 Еще *кто* бы мнѣ-ка *зналъ* да супротивницу,
 Что-бы *люба-то* да *мнѣ* была княгинею.

Но чтобы про каждаго богатыря пѣли хотя бы и только по двое пѣвцовъ, долго будетъ. Подлѣ Дуная въ каталогѣ, коли пропустить былину пѣвца изъ плохихъ плохого Костина, единственную о какихъ-то братьяхъ Дородовичахъ, у которыхъ

Да и *вся* была натура (!) молодецкая,

слѣдуетъ номеровъ 50 про Добрыню. Привести изъ каждаго номера сколь бы ни по-малу стиховъ, пятидесяти лоскутковъ этихъ вы вѣдь все таки же, соскучитесь, не прочтѣте ни-же, вѣроятно, десятой доли. Рѣшимте же удовольствоваться про Добрыню, какъ и

---

¹⁾ *Голова-рубить* извѣстная старинная и доселѣ живая въ народѣ форма; *буйной-головы*, ударенье стихотворно-правильное; *молодой* форма, въ своемъ смыслѣ, столь-же правильная какъ и *молодой*, въ своемъ. О той и объ этой правильности мы еще поговоримъ, когда будетъ время.

про Ставра и про Дюка, двумя примѣрами; однимъ изъ былины второстепеннаго пѣвца и однимъ перво-степеннаго; но изъ тѣхъ, которые намъ еще не пѣли: Сухановъ напр. и Фепоновъ. Сухановъ впрочемъ былъ, кажется, отличнымъ пѣвцомъ, но перезабылъ, кромѣ этой былины, все что зналъ. Добрыня спѣхомъ спѣшитъ въ Кіевъ; онъ узналъ, что тамъ жену его неволятъ идти замужъ за Алешу Поповича.

А-й *даваетъ* онъ поѣзду лучше *старого*,
 Лучше *старого* поѣзду лучше *прежняго*,
 Ёдетъ *прямо* онъ ко городу ко *Кіеву*,
 А не около вѣдь *нде* не *воротами*,
 Ёде *прямо* черезъ *стѣну* городѣвую,
 Черезъ *тую* ёде *башню* что ни *большую*.

Фепоновъ этой былины про Добрыню не знаетъ; онъ поетъ только про его бой со змѣемъ. Добрынѣ, есть причина, хочется дома во Кіевѣ пожить; но другимъ и князю, есть причина, надо бы услатъ Добрыню изъ Кіева. Вотъ вдругъ за пиромъ и подвели дѣло такъ, что задалъ князь службу дальнюю и долгую, побить Змія Горыныча, котораго Добрыня уже бивалъ; такъ ему именно и ѣхать, да тотчасъ же.

Закручинился Добрыня запечалился,
 А-й *скочилъ*-то тутъ Добрыня на *рѣзвѣ*-ноги,
 А и *топнулъ*-то Добрыня во дубовой мостъ,
 А и *стулья* то дубовы *зашаталися*,
 А со *стульевъ* всѣ *боля* *повалилися*.
 Выбѣгаетъ тутъ Добрыня на *широкій* дворъ.

Про Илью еще никто не пѣлъ намъ, и еще ничего не пѣлъ намъ Рябининъ. Но не взять ли передъ Рябининымъ, для противоположности, у какого-нибудь пѣвца третьяго разряда, да ужъ кстати и о богатырѣ

пошлое о комъ нибудь? Напр. въ каталогѣ подлѣ Ильи Иванъ... Гостиный, богатырь плохой довольно, но оба нумера о немъ пѣвцовъ уже слишкомъ плохихъ. Слѣдующій Иванъ... Годиновичъ, по отчеству родня Ставру. Поется про нихъ, какъ Ставру Годиновичу удалась женитьба, а Ивану Годиновичу какъ не удалась. Послѣдній о немъ номеръ изъ рукъ вонъ плохаго пѣвца, предпослѣдній № 275, какъ разъ чего ищемъ, третье-разрядный пѣвецъ Меншиковъ. Иванъ умчалъ-было невѣсту себѣ; Кощей догналъ ихъ и соблазняетъ ее. Иванъ уже-было спшибъ Кощея на земь, уже сидитъ у него на грудяхъ; но она, чѣмъ бы подать Ивану ножъ рѣзать Кощея, пораздумалась;

Да и *взяла*-то Ивана за *желты-вудри*,
 Да *сташла*-то съ Кощея со *безсмертнаго*.
 Да и *двое* одного да *пріобдюжили*,
 Да связали у Ивана ручки *бѣлыя*,
 Да сковали у Ивана ножки *рѣзвыя*.

Теперь, пожалуй, о томъ же Иванѣ Годиновичѣ пусть споетъ намъ патріархъ нашихъ пѣвцовъ, Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ. Въ 1812 году онъ уже пѣлъ былины; а перенялъ ихъ все отъ стариковъ; одинъ изъ нихъ умеръ тому уже 70 лѣтъ (было въ 1871 году); другой жилъ, а можетъ быть еще и пѣлъ до 100 годовъ.

Объ Иванѣ Годиновичѣ былина (№ 83) не изъ лучшихъ у Рябинина. Иванъ со своимъ паробкомъ любимымъ ѣдутъ за невѣстой.

Они *ѣхали* *раздоллицемъ* *чистымъ-полемъ*,

Но тутъ необходимо прерваться намъ на минутку, поговорить про это слово *чистъ-поле*. Сейчасъ у Меншикова было такое же *желты-вудри* и у Фепонова

ръзвы́-ноги. Да и вообще эта форма объединенія существительнаго съ предшествующимъ усѣченнымъ прилагательнымъ, т.-е. предмета съ его постояннымъ эпитетомъ, не рѣдкость въ народной рѣчи, особливо въ эпической.

Произносить и склонять подобныя двойныя слова должно почти такъ же, или даже, чтобы не вдаваться въ тонкости, излишнiя покамѣсть, скажемъ просто: — такъ же какъ слово *Новгородъ*. Это вѣдь, въ частяхъ и въ объединенiи, такая же форма: *Нов-городъ, чисто-поле*.

Вы склоняете *Новгородъ* какъ два слова, каждое само по себѣ, а произносите какъ одно, т.-е. оба слова подъ одно ударенье: *Нѳвгородъ* (— ∪ ∪), а не: *Нѳвъ-гѳродъ* (— — ∪), какъ сказали-бы въ смыслѣ: новъ городъ да старъ норовъ. Склоняете. *Новѳгорода* (∪ — ∪ ∪ ∪), или сокращенно: *Новѳграда* (∪ — ∪ ∪). Точно такъ-же должно выговаривать: *чистѳполе* (∪ — ∪ ∪), а не: *чѳсто-пѳле* (— ∪ — ∪); и склонять такъ, что въ родительномъ единственнаго: *чистѳполя* (∪ — ∪ ∪) и въ именительномъ множественнаго: *чистѳполя* (∪ — ∪ ∪), *поля* скажется одинаково, безъ ударенья (какъ пиррихiй: ∪ ∪); тогда какъ при: *чѳсто пѳле*, было-бы въ родительномъ единственнаго *пѳля* (хорей: — ∪), а въ именительномъ множественнаго *пѳля* (ямбъ ∪ —).

Точно также: *сырѳземля, о сырѳземлю* ¹⁾; *синѳморе,*

¹⁾ Писать подобныя двойныя слова воедино, какъ пишутъ *Новгородъ*, пожалуй, не слѣдовало бы. Но вѣдь другой способъ соединенiя посредствомъ черточки не устраняетъ вполне возможности ударенiй въ обѣихъ соединенныхъ словахъ, какъ на пр. въ *кое-что, сѳверно-русскiй, генералъ-адъютантъ*. А какъ у насъ покамѣсть рѣчь должна быть о только одномъ звуковомъ слогѣ въ такихъ словахъ какъ *сырѳземля*, то я и предпочелъ, на первый разъ, орфографiю, хотя бы и не со-

у синяморя; быстрарѣка, изъ быстройрѣки, въ быстрырѣки; или тихарѣка, широкарѣка, желтыпески, сыпучіпески, темнылѣса, бѣлыснѣга, ясѣнсоколь; черѣнворонъ, лютазмѣя, бѣлыруки и бѣлыручки, рѣзвыноги и рѣзвыножки, могучоплечо, желтыкудри и черныкудри, ретивосердце, ясныочи, любимасемья, грозѣнпосоль, божьяцерковь, глубокногребъ, шелковповодъ, каленастрѣла, золотаказна, зеленовино ¹⁾...

Удареніе въ такихъ словахъ бываетъ всегда на послѣднемъ слогѣ прилагательнаго, пока въ существительномъ не болѣе и не менѣе двухъ слоговъ. Съ измѣненіемъ этой нормы передвигается удареніе. Въ первомъ случаѣ, т.-е. когда слоговъ въ существительномъ станетъ болѣе двухъ, передвигается удареніе на первый слогъ существительнаго, напр.: яснасокола, черनावорона. Во второмъ случаѣ, когда слоговъ въ существительномъ станетъ менѣе двухъ, удареніе останется на томъ же самомъ слогѣ прилагательнаго, но слогъ этотъ сдѣлается ужь предпоследнимъ, ибо окончаніе прилагательнаго удлинится, — конечно, только на этотъ случай, — напр. въ родительномъ множеств. будетъ: быстрыихрѣкъ, а не: быстрыхрѣкъ; со рѣзвыихногъ, изъ бѣлыихрукъ. Когда же число слоговъ увеличится такъ, что въ существительномъ и прилагательномъ, вмѣстѣ взятыхъ, станетъ слоговъ болѣе пяти, тогда слово, — опять только на этотъ случай (чаще всего въ творит. множ.) — распадается уже на

всѣмъ правильную, но ужь при которой вы, безъ думы, прямо на глазъ, въ одномъ словѣ одно удареніе и видите.

¹⁾ Вѣрнѣй бы, кажется, писать: зеленовино, отъ зелѣ=лихая сила; такъ какъ въдъ и: зеленó, отъ зеленъ=зелѣ=трава, особенно цѣлбная или же вредная, имѣеть въ этомъ разѣ то же значеніе; конечно, не травника-настойки, а опьяняющаго вина, сильнаго, лихаго, бѣдоваго напитка, и подврѣпляющаго и ослабляющаго.

два слова, напр. (3+3=6): желты́ми пескáми; (4+3=7): широкíми рѣкáми; (3+4=7): яснѣ́ми соколáми.

По народному понятію, — всегда вѣрному, ибо всегда геніальному, — эпитетъ логически важнѣе самаго предмета. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, эпитетомъ предметъ оживотворяется, становится видимъ (бѣлы́ручки, желты́пески); становится слышимъ (гремя́чключь, тиха́рѣка); становится оцутимъ, (сыра́земля, горяча́слеза); одухотворяется, (ретиво́сердце, ясно́ючи) и т. д. Сбывать удареніе съ этого великаго слова, съ эпитета, и чрезъ то какъ бы подчинять эпитетъ слову, самому по себѣ безжизненному, предмету, рѣшительно не логично бы; а поэтому и нѣ-любо народу таково, что онъ всѣми возможными способами старается избѣгать обеззвученія эпитета. Онъ, напр., сократитъ существительное, хотя бы и не обычнымъ образомъ, и скажетъ, не только: Новáграда, черна́врана; — *града, врана*, и безъ того говорится, — но даже и: ясна́скола, (собственно: ясна́съкола, ибо сокращенное $o = ъ$), или: могучми́плечми, и (въ двойственномъ): бѣлымíрукма. Бѣлоличико, всегда сокращаетъ онъ въ: бѣло́личко, (вѣри́й: бѣло́личко, ибо сокращенное $и = ъ$). И коль, ужь конечно, никогда не скажетъ: глубокáп'треба, бѣлымíруч'к'ми, то только потому, что встрѣча трехъ согласныхъ, — и вообще-то, а ужь такихъ и подавно, — неприятна, иногда несносна даже, его тонко-развитому музыкальному уху ¹⁾.

Прочтите, для упражненія, слѣдующія двойныя слова воедино, по означеннымъ удареніямъ:

Туть скочилъ-то какъ Илья онъ на рѣзвѣноги,
А схватилъ какъ паленицу за желтѣкудри,

¹⁾ Обстоятельнѣе про такія сокращенія, какъ и про остатки втораго ударенія въ этихъ двойныхъ словахъ, скажу въ послѣдствіи.

Да спустиль онъ паленицу на сыр^уземлю,
 Да стушилъ онъ паленицѣ на прав^уногу,
 Да онъ дёрнулъ паленицу за лѣв^уногу,

А-й рубиль онъ паленицу по мелк^имкускамъ;
 Да садился-то Илья да на добр^аконя,
 Да онъ рылъ-то тѣ кусочки по чист^уполю ¹⁾.

Теперь вернемтесь къ прерванному. Я доказываю, что у разныхъ пѣвцовъ и въ разныхъ былинахъ смысловыя ударенія приходятся (въ 13-сложной былинной схемѣ) на слоги 3-й, 7-й и 11-й. Эпитетъ считается въ смысловомъ отношеніи важнѣе предмета, почему тамъ, гдѣ сливается съ предметомъ, и долженъ эпитетъ попадать своимъ звуковымъ слогомъ на мѣстѣ или 3-е или 7-е или 11-е. Всего чаще попадаетъ эпитетовое смысловое удареніе на 11-е мѣсто; не потому чтобы законъ таковъ былъ, а только потому что таковъ вообще строй русской рѣчи, эпической, по крайней мѣрѣ.

Мы начали читать изъ былины Рябинина объ Иванѣ Годиновичѣ:

Они ѣхали раздол^ищемъ чист^ымъ-полемъ;
 Они день ѣдутъ по красному по солнышку,
 Они ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу;
 Ускоряютъ-то дороженьку чист^ымъ-полемъ.
 А-й приѣхали они во золот^у-орду.

Что нибудь изъ другихъ его былинъ, про Илью. Тутъ выборъ ужь легокъ или труденъ, не знаю какъ сказать: даже и не въ отличныхъ былинахъ почти что можно зажмурясь выбирать.

---

¹⁾ Рылъ, т.-е. бросалъ, прим. собир. — Былина Рябинина объ Ильѣ и паленицѣ; всѣ эти ударенія означены собирателемъ, стр. 467.

Князь Владиміръ бѣжитъ смотрѣть Соловья разбойника:

Онъ скорѣшенько ставалъ да на рѣзвѣ-ножки,
Кунью шубовьку накинудъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко;
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкій дворъ.

Алеша ѣздилъ, посланный Ильей, на паленицу. Изъ этой былины я уже привелъ вамъ выписку въ примѣръ удареній на эпитетахъ; но вотъ кинулись мнѣ въ глаза стиха три съ такими яркими смысловыми удареньями на словахъ: *былъ*, *смѣлъ*, *могъ*, что такъ и быть, выпишу; за то ужъ этимъ и кончу отдѣлъ богатырскихъ былинь:

Хощь-то *былъ* я во раздолъницѣ чистомъ-полѣ,
Да-й не *смѣлъ* я къ паленичницу подѣхати,
А-й не *могъ* я у ней силушки отвѣдати.

Перейдемте къ молодецкимъ былинамъ, чтобы видѣть вамъ, что и тутъ стихъ тотъ-же. У Рябинина ихъ двѣ.

О женѣ неудачливой:

То поѣтъ она съ крестьянской со работушки,
Во правой рукѣ несѣтъ-то косу *вострую*,
Во лѣвой рукѣ несѣтъ-то грабли *частыя*,
На плечахъ бѣдна горюшица дрова несѣтъ.
Приходила-то къ худою къ малой *хижинкѣ*;
Говорилъ-то ей дородный добрый *молодецъ*:
А-й *честная* ль ты вдова аль жона *мужняя*?

О горѣ и добромъ молодцѣ:

Она стала вокругъ *молодца* похаживать,
Ты чего стоишь *кручинень*, добрый *молодецъ*?
Ты чего стоишь *печалень*, добрый *молодецъ*?
Толи *городъ* тебѣ *чужъ*, люди *незнаемы*,
Да-й не *знаешь* ты куда да *пріютиться*?

Теперь изъ причитаній Ирины Федосовой; и опять не изъ каждаго, конечно, а изъ двухъ-трехъ, какихъ попадётся.

Вотъ напр. про сельскаго старосту:

Стане *староста* судью тутъ уговаривать:
 Не давай спѣси во *младую* головушку,
 Суровствá ты во ретливое сердечушко,
 Да ты *иномъ-то* своимъ не *возвышайся*-тко.
 Едины да всё у *Бога* люди созданы.
 На крестьянъ ты съ кулаками не *наскакивай*.

Хотѣлъ тутъ остановиться, и не могу. Попробуйте-ка прочесть не сильно эти, вѣдь точно саблей нарубленные ударенья:

Не на *то* да вѣдь вы судьи выбираетесь!
 Хоть же *рыанъ* да ты, *посредничекъ*, *уходишься*,
 Хоть спѣсивъ да ты, *начальникъ*, *пріусядешься*.

Но все равно, всего не списать.

Вотъ у нея сиротка взыываетъ къ матери:

Я *порѣскажу* тебѣ дочи *обидная* ¹⁾.
 Про свое да *горегорькое* живленъеце,
 Про свое да *я* сиротско *возрастанъеце*.
 Не дай *Господи* на *сѣмъ* да на *бѣломъ-звѣту*
 Поостаться отъ *родителя* отъ *матушки*;
 Надо *ластушкой* *летать* да *кругомъ* *людушекъ*,
 Надо *плѣточкой* *кругъ ихъ* да *обвиватися*,
 Точно *бѣлочкѣ* въ *глаза* да *имъ* *посматривать*.

Вотъ вдова пьяницы жалобится сосѣдямъ:

Не дай *Господи* на *сѣмъ* да на *бѣломъ-свѣтѣ* ²⁾
 Вѣкъ *корѣтатъ* мнѣ за *горькоюй* за *пьяницеюй*!

¹⁾ Т.-е. я, дочь обиженная судьбой; *дочи*, в краткій звукъ *возстановленъ* въ полный *и*.

²⁾ Тамъ было: на *бѣломъ-свѣту*, тутъ: на *бѣломъ-свѣтѣ*, это конечно и ритмически все равно.

Не порой бѣдна головушка состарилась,
 Не во время красота съ лица стерялася;
 Куда стьсь да мое суровство дѣвалось!
 На дѣлахъ была побѣдна штукаватая,
 На словахъ была побѣдна смысловатая,
 Разговорная съ народомъ людьми добрыми.
 Какъ понала я за горькую за ньянцу,
 И сама того побѣдна сднвовалася,
 Шутки-шмоночки куда мои дѣвались!

Довольно. Вѣдь вотъ уже десятка полтора набра-
 лось отрывковъ этихъ, стиховъ около сотни. Приво-
 дить больше, привести по примѣру изъ каждаго хо-
 рошаго нумера, — у первостепенныхъ четверыхъ пѣв-
 цовъ мы, помните ли, насчитали такихъ нумеровъ 56,
 да у второстепенныхъ шестерыхъ 20, итого 76 нуме-
 ровъ, — сколько же бы заняло это мѣста и времени.

За то эти полтора десятка примѣровъ взяты были,
 вы видѣли какъ: пѣвца бралъ я по первымъ навер-
 нувшимся соображеніямъ; богатыря по алфавиту; при-
 читанье — лишь бы Аринино, а то гдѣ откроется; самые
 отрывки, наконецъ, — у меня отмѣчены въ Сборникахъ
 всѣ вѣрные стихи; — гдѣ видѣлъ я сплошь, десятками
 иногда, эти отмѣтки, тамъ и бралъ, отъ первой точки,
 съ пятокъ стиховъ. Вотъ какъ выбиралъ эти примѣры.
 Немножко направляя случай, гораздо больше отда-
 ваясь случаю, выписалъ я подъ сотню, коль ни болѣе
 стиховъ; и изо всей сотни, кажется, только въ еди-
 номъ стихѣ не вполне соблюдено правило смысловаго
 ударенья, у Чукова:

И когда онъ утрить перьеце орлиное,
 Тогда ѣздять мужики они индѣйскіе.

По смыслу тутъ важнѣе бы, кажется, *утритъ*, не-
 жели *когда*; не *когда* слѣдовательно, а *утритъ* должно
 бы подвести, звуковымъ его слогомъ *ут*, подъ боль-

шое музыкальное ударенье, тутъ подь первое, стало, на 3-е мѣсто стиха. Но и то еще, Богъ вѣсть: не всегда вѣдь утрить орель перьце, а олько по осени, что ли; вѣ такомъ смыслѣ:

И когда онъ утрить перьце..

Тогда ѣздятъ..

Собираютъ...

Пожалуй, что и это ударенье, большое на *когда*, накинута не вовсе безъ толку.

И такъ примѣры приведенные мною въ доказательство того, что смысловыя ударенья имѣютъ въ русскомъ стихѣ опредѣленные мѣста, въ былинной схемѣ 3-е, 7-е и 11-е—выдались, можно сказать, всѣ удачныя. Удачныя значить тутъ убѣдительныя, на сколько, конечно, такія эмпирическія доказательства могутъ быть убѣдительны. Эмпирическія доказательства, какъ теорія проявляемая на живой практикѣ, всегда весьма важны, а въ нашемъ дѣлѣ и подавно; но въ чемъ собственно могутъ убѣдить они? Въ дѣйствительномъ соблюденіи, болѣе или менѣе постоянномъ, того-то какъ будто-бы закона. Только, вѣдь; ибо обыкновенно бываетъ, что другими примѣрами можно доказать, — правда, тоже только эмпирически, — несоблюденіе того-же якобы закона; возникаетъ слѣдовательно сомнѣніе: что нибудь одно изъ двухъ тутъ вѣдь ужь непремѣнно случайность; что-же? случайность-ли тутъ, въ первомъ разѣ, соблюденіе того-то, тогда конечно ужь не закона; или же случайность тутъ, во второмъ разѣ, несоблюденіе того-то, тогда вѣроятно закона?

Мало, слѣдовательно, убѣдить васъ въ соблюденіи, нужно еще убѣдить васъ въ неслучайности соблюденія; надо доказать, что нарочно, явно-сознательно соблюдается такой-то, тогда уже рѣшительно законъ.

Извольте. Какіе могутъ быть признаки сознательности соблюденія стихотворнаго закона?

Вѣрнѣйшіе признаки такой сознательности все то, что называется *licentia poetica*, иначе сказать, авторскія натяжки; ибо вѣдь единая возможная цѣль всѣхъ такихъ натяжекъ: соблюсти, во чтобы то ни стало, извѣстный стихотворный законъ; а таковой цѣли не можетъ у автора быть безъ сознанія, что такой-то законъ существуетъ и что соблюдать оный, хотя бы и черезъ силу, должно.

Если-бы Пушкинъ, — потому что онъ зналъ, изъ учебника-ли версификаціи, по живому-ли преданію, по собственной-ли догадкѣ; словомъ, откуда-бы ни зналъ, но потому что зналъ, и слѣдовательно, говорю, — если бы сознательно не стремился онъ соблюдать законъ стиха, напр. ямбическаго, тотъ, что въ каждой парѣ слоговъ нечѣтному слогу не слѣдуетъ быть сильнѣе чѣтнаго сказалъ-ли бы онъ, нашъ строгій Пушкинъ, вдругъ, здорово живёшь: *призрѣкъ*? Нѣтъ всегда, гдѣ только могъ, говорилъ онъ какъ всѣ:

Глазами страшный *призракъ* мѣрилъ.

И однако же онъ сказалъ:

Богатыря *призрѣкъ* огромный.

Пустой и гибельный *призрѣкъ*.

Онъ сказалъ:

Гдѣ на курганахъ *возвышенныхъ*.

И въ поле *перстомъ* указалъ.

Шесть мѣсть *упраздненныхъ* стоятъ.

Зачѣмъ-же это?—А затѣмъ, что обычное ударенье (*перстомъ, упраздненныхъ, возвышенныхъ*) въ этихъ его стихахъ пришлось-бы, — проскандируйте:

И въ по | ле пер | стомъ у | казалъ
 (—) (—) (—) (—)

Тутъ на 5-й, и такъ всякій разъ на какой-нибудь нечётный слогъ, отчего нечётный слогъ сталъ бы сильнѣе четнаго той-же пары; пара стала бы хореемъ среди ямбовъ и нарушила бы собою общую гармонію ямбическую. Вотъ Пушкинъ и рѣшается передвинуть ударенье въ этомъ словѣ съ обычнаго мѣста на необычное. Ударенья: *перстѡмъ, упрáзднѣнныхъ* понята нуль онъ назадъ, такъ что вышло *пѣрстѡмъ, упрáздненныхъ*; ударенья *возвы́шенныхъ, призрáкъ* понята нуль впередъ, такъ что вышло *возвышѣнныхъ, призрѣкъ*. Проскандируйте теперь; новыя ударенья, то взадъ, то впередъ натянутыя, оказываются всякій разъ пригнаны на чётный слогъ стиха, и всякій разъ ямбическая гармонія, обычнымъ метромъ слова нарушенная было, теперь натянутымъ метромъ того же слова восстановлена.

Кто этакъ добивается, тотъ уже знаетъ чего.

Такія же натяжки возможны, конечно, ради соблюденія и другихъ схемъ и даже совсѣмъ инаго стиха.

Добиваясь соблюсти ямбическую схему тонического стиха, говорилъ Пушкинъ:

Молчить *музы́ка* Соевая;

и добиваясь соблюсти хорейческую, противоположную ямбической, схему того же тонического стиха, онъ говорилъ:

И пальба и громъ *музы́ки*;

и добиваясь соблюсти схему совсѣмъ инаго, лубочнаго сиха, говорилъ:

А заяка въ лѣсокъ *дс-дбму*;

и добиваясь соблюсти александрійскую, такъ навы-

ваемую, схему стиха, опять совсѣмъ уже инаго, силлабическаго, говорилъ другой великій русскій поэтъ, Святитель Димитрій:

Лежить въ ясляхъ на сѣнѣ отрочекъ *малѣнькій*,
Тамъ и Матушка его и Осипъ *старѣнькій*.

Отчего же бы невозможны такія же натяжки ради соблюденія и еще инаго, вовсе уже отличнаго стиха и особенной схемы, въ былинахъ у нашихъ пѣвцовъ?

Посмотримте же, не найдемъ ли мы и тутъ слоговыхъ удареній натянутыхъ съ обычнаго на необычное; да чтобы явно-натянутыхъ съ цѣлью, очевидно и достигаемою, таковой: когда обычный звуковой слогъ смысловаго слова приходится въ стихѣ не на то мѣсто, какое указано большому ударенью, тогда, хоть бы натяжкой, переноской слоговаго ударенья съ обычнаго слога на необычный, но подогнать ударенье въ смысловомъ этомъ словѣ на указанное схемой мѣсто. Въ былинной схемѣ, слѣдовательно, натяжки эти должны цѣлиться и попадать: на 3-е мѣсто стиха, если слово это 1-е смысловое въ стихѣ; на 7-е мѣсто, если слово 2-е смысловое; и на 11-е мѣсто, если слово 3-е смысловое.

Но, спросятъ меня, не ударяютъ ли пѣвцы въ нѣкоторыхъ словахъ заурядъ иначе, нежели мы, т.-е. наши лексиконы? Такія бы ударенья вѣдь ужъ не доказательство.

Разумѣется; но, сколь мнѣ извѣстно, заурядъ иначе, нежели ваши лексиконы, ударяютъ мои пѣвцы только въ двухъ словахъ. Казенное ваше *серебрó* и вашъ литературный *богаты́рь*, даже въ видѣ натяжекъ едва ли найдутся въ былинахъ; тутъ они *богатырь* и *серебро*. Объ закладѣ не побьюсь и спорить до слезъ не

стану, но кажется, во всѣхъ прочихъ словахъ ударенье невозможное бы или странное бы у литераторовъ, бываетъ и у пѣвцовъ только на данный случай, стиха ради.

И такъ, гдѣ пѣвецъ можетъ безъ натяжки навести звуковой слогъ смысловаго, — въ данномъ разѣ, — слова, напр., на 3-е мѣсто стиха; тамъ, уже конечно, скажетъ онъ просто:

Когда *будешь* ты на матушкѣ святой-Руси.

Но тутъ же рядомъ, коль не можетъ уладить иначе, пѣвецъ рѣшается на натяжку и передвигаетъ звуковой слогъ смысловаго слова: какъ ни какъ, а ужь коли попалъ ты въ большіе первымъ, полѣзай же на СВОЕ мѣсто, на 3-е въ стихѣ, а напр. на 2-мъ или на 4-мъ ужь не моги быть. И вотъ, — только что вѣдь пропѣлъ намъ *будешь*, — поётъ онъ-же, Рябининъ:

Да-й *будёшь* когда у князя у Владиміра.

Ну и треснуло немножко, а влѣзло таки на 3-й слогъ первое большое ударенье стиха. И часто, увы, черезъ-чуръ, наивно-часто, еще гораздо чаще литераторовъ прибѣгаютъ пѣвцы наши къ этому средству, особенно Рябининъ. Откройте, гдѣ я указывалъ вамъ, Русскую Старину или Сборники, и десятками бросятся вамъ въ глаза подобные примѣры.

Чтобы это же 1-е большое ударенье натянуть на 3-е мѣсто стиха Рябининъ, — всегда конечно говорить какъ люди: не *буду* ѣсть.. *поѣли*.. у *небо*.. — а тутъ вдругъ:

Не *буду* ѣсть твоихъ ѣствушекъ сахарникъ.
Они *поѣли*, поѣли, пообѣдали.

И у него есте сильные богатыри.
 Столько увидалъ молоденькій Добрынюшка.
 Какъ не даётъ миѣ-ко онъ да супротивника.

И столь же сознательно, дабы 2-е большое ударенъе попало на свое мѣсто, на 7-е въ стихѣ, Рябининъ поётъ:

Онъ какъ видитъ, что дѣло ему не по-люби.
 Онъ спускался съ той со горы со высокія.
 По тому ли по острѣю по ножевому.

И наконецъ, дабы 3-е большое ударенъе попало на 11-й слогъ:

Тебя какъ-то молодца да именѣмъ зовутъ.
 А-й на славной московской на заставѣ.
 Я въ любви веду Настасью Митріевичну.
 Соберите-тко миѣ силушки сорокъ-тысячъ.
 А-й тутъ этой старинушкѣ славу поютъ.

Убѣдились ли вы?

Да; ровно на половину. По тѣмъ первымъ отрывкамъ возможно было сомнѣваться, сознательно ли соблюдаютъ пѣвцы, или же только случайно, ударенъя на мѣстахъ 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ. Теперь, по этимъ примѣрамъ натяжекъ, нельзя сомнѣваться, что пѣвцы вполне сознательно пригоняютъ ударенъя на мѣста 3-е, 7-е и 11-е. За тѣмъ, правда: во всѣхъ доселѣ приведенныхъ примѣрахъ приходились на 3-е, 7-е и 11-е мѣста все большія ударенія, т.-е. все это были, или стали, звуковые слоги смысловыхъ словъ. Но, что смысловыя-то слова не случайно пришлись подъ эти, 1-е, 2-е и 3-е, ударенъя стиха; что, каково звуковые слоги словъ сознательно пригнаны на 3-е, 7-е и 11-е мѣста, таково-же и самыя слова сознательно выбраны смысловыя подъ эти, 1-е, 2-е и 3-е, уда-

ренья; вотъ въ чемъ сомнѣваться еще можно. А вѣдь сомнѣваться, истины же ради, поколь можно, потоло и должно.

Значить, я долженъ доказать вамъ сознательность подбора смысловыхъ словъ подъ эти три ударенья. Какою-же натяжкой авторской можно бы доказать сознательность въ подборѣ, цѣль въ разстановкѣ словъ? Конечно, перестановкою словъ изъ обычнаго и грамматически-правильнаго порядка въ необычный и неправильный. Эту натяжку позволяли себѣ всегда и всѣ даже и самыя великія дѣла сего. Но всѣ и всегда, и даже куда невеликія рѣшались на это бѣдовое средство только скрѣпя сердце; потому что этой натяжкой ткань-то натягивается ужь до того, что основа сквозить; оголяется все тайное, и тайное-то невзрачное авторскаго дѣла.

Ужъ если Пушкинъ не сказалъ по русски:

Кругомъ Тригорскаго бродить,

а рѣшился сказать по тарабарски:

*Бродить Тригорскаго кругомъ
Въ лугахъ, у рѣчки...*

то уже конечно:

...надъ холмомъ.

Въ тоническомъ, въ силлабическомъ, въ лубочномъ, и, словомъ, въ какомъ бы то ни-было досель извѣстномъ стихѣ: перестановить наперекоръ живой грамматикѣ два *метрически-тождественныя* слова (каковы напр. *кругомъ* ∪ — ямбъ, и *бродить* ∪ — ямбъ) мыслимо рифмы ради, только. Внѣ же рифмы переставлять такія слова, напр. вмѣсто:

Въ часы (∪ —) забавъ (∪ —) иль празднои скуки,

сказать:

Забавъ (—) въ часы (—) иль праздной скуки,

было-бы, — по досель-извѣстному, — совершенно безцѣльно. Вотъ почему *такой* перестановки и не найдете вы у самого Тредьяковскаго, я думаю.

Ужъ конечно не хуже Тредьяковскаго хранить стройность русской рѣчи наши народные пѣвцы. Ни въ единомъ стихѣ двухъ словъ не перестановятъ они безъ нужды и безъ цѣли изъ обычнаго, по живой грамматикѣ правильнаго порядка въ необычный и не правильный.

Какія созвучія знаетъ русскій стихъ, про то рѣчь впереди; но что *рифмы* русскій стихъ вообще, былинный же и подавно, не знаетъ, про это и говорить нечего.

Если же завѣдомо не для рифмы, и не просто же тарабарщины ради ужъ конечно; то съ какою же цѣлью могутъ пѣвцы перестановлять въ былинномъ стихѣ, одно на мѣсто другаго, слова метрически-тождественныя? И однако же, вспомните, напр., въ послѣднемъ стихѣ послѣдняго приведеннаго отрывка, Ирина говоритъ:

Шутки-шмоночки *куда* мои дѣвались;

вѣдь скажи она:

Шутки-шмоночки *мои* *куда* дѣвались,

вышло бы грамматически - правильнѣе, ибо *мои* относится къ *шуткамъ-шмоночкамъ*, а *куда* относится къ *дѣвались*; метрически же вышло бы все равно, ибо *куда* *мои* и *мои* *куда* метрически, и то и другое, два ямба. Зачѣмъ же она эти ямбы перетасовала?

Но тутъ тарабарщина вышла еще не очень яркая. Вотъ вамъ примѣръ точь-въ-точь такой же, но гораздо повнушительнѣе. Въ былинѣ о Святогорѣ Калининѣ поётъ:

А повыздынь-ка съ гробá меня глубокаго.

Меня глубокаго, я глубокой, на смѣхъ это, что ли? Вѣдь съ гробá меня ( ) — ( ) —) и меня съ гробá ( ) — ( ) —) все равно, зачѣмъ же было не сказать:

А повыздынь-ка меня съ гробá глубокаго.

Да и что за странный эпитетъ гроба *глубокой*; ужь не испорченный ли это стихъ, не оттого ли и слова-то перепутаны? О, нѣтъ, всё слова этого стиха подобраны удачно, разстановлены обдуманно; быть можетъ слишкомъ обдуманно, но того-то намъ и надо. Дѣло тутъ вотъ въ чемъ:

Илья поѣхалъ посмотреть Святогора, «порнаго богатырища» ¹⁾, на весь мiръ дивнаго, котораго не носить мать сыра-земля, и потому не придано ему ѣздить на Святорусь-землю, и ѣздитъ онъ только тутъ, по какимъ-то по Святымъ горамъ (гора это ужь не тѣло, а кости земли, и выносятся Святогора). Встрѣтились Илья со Святогоромъ, поѣхали вмѣстѣ по этимъ горамъ высокимъ, «по щелейкамъ толстымъ» ²⁾, и наѣхали чудо-чудное, диво-дивное: щельи, скáлы со-

¹⁾ *Порный*—сильный, отъ слова *персть*; *впору*—подъ сизу коню вытянуть; во всю *пору* лошадиную, во весь *опоръ* (по настоящему:) тянуть *персть*, (переносно-же:) сказать изо всей силы-мочи.

²⁾ Щелейка, щелье, ущелье, скелья, скеля, скáлы, скаля и щель (см. эти два слова въ слов. Даля, и тутъ-же:) скáлитъ—щелить зубы щельники—скельники, келейники—пещерники.

шлись въ одномъ мѣстѣ такъ, что образуютъ собою «огромный гробъ». Святогоръ, чтобы посмотреть кому «поладится площадница эта дивная», сперва велить лечь туда Ильѣ. Ильѣ гробъ дологъ. Выступилъ Илья изъ гроба; опустился, влечь туда самъ Святогоръ, площадница «по немъ пришла», да такъ-то по немъ, что самъ собой встать изъ тѣсноты да глубины этой ужь и не можетъ онъ; просить Илью:

Ахъ ты старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ты повыздынь съ площадницы да огромней !),

Но этого порнаго богатырица приподнять, повыздынуть оттуда не пѣдъ силу и самому Ильѣ. Ну, такъ возьми, Илья, палицу, бей по скаламъ.

Ты сломай-ка эти щельи да высокя,
А повыздынь-ка *съ гробѣ* меня глубокаго.

Ударилъ Илья по щельѣ по толстой, но,—гора-то была видно рудная,—отъ удара богатырскаго изверглось изъ вѣдръ скалы желѣзо и потянулось полосою надъ Святогоромъ въ сосѣднюю скалу. Ударилъ Илья еще и еще, и въ ту скалу и во всѣ вокругъ, надѣясь, не тутъ, такъ тамъ проломить простора Святогору; но

Что ударить, тутъ же обручъ было ставится.
Черезъ тую площадницу было дивную.
Отвѣщаетъ тутъ богатырь Святогорскій.
Видно, тутъ же есть богатырь да кончается!

Такъ вотъ какой это гробъ, отъ вѣка самую природой созданный, самую судьбою предназначенный

---

1) Съ площадницы, съ гроба; вѣрнѣй-бы, кажется: *зз*—укороченному *изъ*.

Святогору; къ нерукотворному гробу тутъ же невидимо была готова и крыша.

Всю вмѣстѣ эту роковую площаницу-могилу назвалъ пѣвецъ *глубокимъ* гробомъ. Но это эпитетъ гроба случайный, какъ видите; а во едино съ предметомъ сливается, говорилъ я вамъ, постоянный эпитетъ ¹⁾. Тутъ, стало, и предметъ и эпитетъ оба должны были сохранить свою смысловую важность въ рѣчи; согласно чему и большія ударенія накинულъ пѣвецъ по полному смыслу, таково А *повыздынь-ка* меня съ (этого) *гроба* (съ этого) *глубокаго* (гроба). Откиньте оскобленные слова, останется:

(3) (8 9) (11)
А повыздынь-ка меня съ *гроба* *глубокаго*.

Но такимъ образомъ второе смысловое слово *гроба* очутилось внѣ втораго большаго ударенія; а пришлось подъ это ударенье, и какъ разъ звуковымъ слогомъ на 7-е мѣсто, слово — по смыслу въ данномъ разѣ — не требующее и не терпящее большаго ударенія.

А повыздынь-ко *меня* съ *гроба* *глубокаго*.

---

¹⁾ Да еще мало сказать постоянные, а вѣковѣчно-неразлучные съ предметами эпитета; вотъ эти какъ будто ужъ такъ сжились, что и слились между собой. Съ эпитетами же не только случайными, но и съ новыми, — хотя и тоже постоянными, пожалуй, да какъ будто еще непривычными, — предметы воедино не сливаются. У Ирины напр. *самовары шумячіе*, *стряпня суетливая* (древняя-то была проста, не суетлива), *дорожка колесистая* (*колеистая?* въ древности тоже вѣдь дорогамъ не съ чего было колесистымъ быть, ѣзды было немного; да много-ли и дорогъ-то было, были пути). Правда, во всѣхъ этихъ словахъ по-парно больше пяти слоговъ; но вѣдь напр. и *тонки-въ-терки* у Ирины все ужъ не то же едино слово что и *буйный-въ-тры* у нея же; а ужъ *буйный-разумъ* ни разу не сказала она, всегда *буйный разумъ*, четыре слога въ два слова.

Вѣдь ударенье на *меня* придаетъ этому слову значенье: меня, а не другаго кого; но вѣдь въ гробѣ этомъ нѣтъ, да ужь, видно, и не можетъ быть никого другаго; стало, нелѣпо бы восподымать въ этомъ разѣ слово *меня*; а слово *гроба* восподнять нужно. Порядокъ словъ, каковъ теперъ есть, грамматически — хорошъ, и звуковые слогѣ словъ безъ малѣйшей натяжки приходятся на мѣста 3-е, 7 и 11; только словъ-то какихъ? Двухъ смысловыхъ: *повыздынь* и *глубокаго*, а третьяго не смысловаго *меня*; третье же смысловое слово *гроба* осталось внѣ ударенья. Не добивайся Калининъ, не сознавай онъ законной необходимости того, чтобы подь большія ударенія схемы попадали слова не все равно какія, а именно смысловыя; онъ бы тутъ, — благо, порядокъ словъ вѣренъ и схема метрически исполнена безъ натяжекъ, чего же еще?.. такъ бы все и оставилъ. Но нѣтъ; онъ, во что бы то ни стало добивается чего-то; онъ гнѣтъ и ломитъ: изъ хорea *гроба* сдѣлалъ онъ ямбъ *гроба*; отпихнулъ естественный ямбъ *меня* изъ-подъ 2-го большаго ударенья и поддернулъ туда тоже ямбъ, да еще насильственный *гроба*; отъ перетасовки этой вышло, что *меня* очутилось съ эпитетомъ *глубокаго*; вышло что *гроба* съ этимъ особеннымъ своимъ эпитетомъ *глубокаго* разлучились и легли въ черезполосицу; да еще какую грамматически не дозволенную; но и вышло же за то, что Калининъ добился, чего, — явно, сознательно, не мытьемъ такъ катаньемъ, — добивался: вывелъ изъ-подъ большаго ударенья слово въ данномъ разѣ не смысловое *меня* и подвелъ смысловое *гроба*. Перекиньте листокъ-другой, и вотъ вамъ у того же Калинина еще примѣръ, и еще, пожалуй, поубѣдительнѣе.

Наѣхало, расселилось въ Кіевѣ идолице великое; полуживотное, полуболванище какое-то; по обычно-

былинному изображенію, голова у него что пивной котель, глаза что лохани помойныя, съ нимъ цѣлая орда и само идолице поганый татаринъ. Сидитъ это идолице у князя въ палатахъ и развѣдываетъ о признакахъ богатырства Ильи Муромца у самаго же Ильи, переодѣтаго въ старчище-пелегримище:

А-й великъ у васъ казаль да Илья Муромецъ?

А по многу ли *вашъ ѣсть* да Илья Муромецъ?

А по многу ли же къ выти да вина-то пьеть?

Во второмъ стихѣ слова *вашъ* и *ѣсть*, какъ равныя каждое полусpondeю (—), равны между собой. Метрически, стало, все равно бы сказать ли по-русски:

(7)

А по многу ли *ѣсть* *вашъ* да Илья Муромецъ,

или же по тарабарски, какъ сказалъ Калининъ:

(7)

А по многу ли *вашъ ѣсть* да Илья Муромецъ.

И конечно Калининъ понималъ это, но онъ сообразилъ вотъ что: если ради правильнаго порядка словъ оставить на мѣстѣ и слѣдовательно произносить съ большимъ удареніемъ *вашъ* Ильи, вѣдь вышло бы, что возможенъ или даже есть и не *вашъ* Илья, т.-е. не нашъ, не русскій, а и еще другой какой-то, ихній что ли, татарскій Илья.

Вотъ, сообразилъ Калининъ, какія недоразумѣнія вышли бы отъ ударенья на *вашъ*; убралъ поскорѣй это *вашъ* изъ-подъ ударенья и подвелъ туда *ѣсть*, слово метрически равное слову *вашъ*, но смысловое уже по прямому смыслу вопросовъ идолица: а по многу ли *вашъ* Илья *ѣсть*, по многу ли пьеть, и проч.

Ладно, скажутъ мнѣ; дѣйствительно, тутъ ударенье нелѣпо было бы на словѣ *вашъ*, и напротивъ, совер-

шенно умѣстно на словѣ *пстѣ*. Калининъ это понялъ, нарушилъ, такъ и быть, порядокъ словъ, и переставилъ *вину* прочь-изъ подъ ударенья, съ 7-го мѣста на 6-е, а *пстѣ* съ 6-го на 7-е, подъ ударенье. Сознательность, что такъ тому и быть слѣдъ, тутъ очевидная. Но въ слѣдующемъ стихѣ, въ подобномъ же вопросѣ:

А по многу ли же къ выти да вина-то пьеть—

слово, соотвѣтственное тому *пстѣ*, тутъ *пьеть*, однако же подъ большое ударенье, подъ 3-е что ли, какъ само не попало, такъ пѣвцомъ и оставлено. Это тоже сознательно, тоже во исполненіе закона большихъ удареній на смысловыя слова?

Конечно. Это опять того же, только обратное доказательство. — Тамъ, въ первомъ вопросѣ, вся суть рѣчи: по *многу* ли *пстѣ* Илья; а чего именно? Извѣстно, чего и всѣ ѣдятъ, т.-е. все равно чего; спрашивается только здоровъ ли онъ жрать. Тутъ, во второмъ вопросѣ, суть не въ томъ еще по многу ли онъ, все равно чего, *пьеть*: воду-то пить и гусь мастеръ; а по многу ли *вина* пьеть, да еще *за-разъ*, — къ выти, какъ спросилъ идолице, т.-е. къ обѣду, къ ужину, къ каждой ѣдѣ; обыкновенно-же по былинному спрашивается: единымъ-духомъ, или за единъ-вздохъ пьеть зелена-вина, да коль полтретья-ведра, т.-е. 2½ ведра, вотъ это, значить, богатърь.

Такъ, изволите видѣть, тутъ *пстѣ* послѣдняя спица въ колесницѣ, куда само попало, тамъ и оставлено внѣ ударенья; а подъ удареньями, посмотрите, тутъ, какъ и вездѣ въ русскомъ стихѣ, тѣ слова, въ коихъ самая главная суть рѣчи:

А по *многу* ли же къ *выти* да *вина*-то пьеть?

Не столь насильственно перестановлены метрически-тождественныя слова у Ирины, но столь же сознательно; не сказано:

(7)
Шутки шмоночки *мои куда* дѣвались,

сказано:

(7)
Шутки шмоночки *куда мои* дѣвались.

Чего ей тутъ было выкрикивать про *мои*; конечно, *мои*; чьи же иначе? Но *однѣ* они, *куда* ихъ отвѣяло горемъ-то, такъ быстро, да такъ чисто отвѣяло, что и сама того, побѣдна, сдивовалася. О, что это *куда* выкликнулось у нея на самую вершину стиха, даже и не замѣтивъ какъ смахнуло оно оттуда какое нибудь бѣдененькое *мои*; еще бы! Не орлу же сѣсть ниже курицы.

Однако это выраженье: вершина стиха, наводитъ меня на мысль, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ этимъ срединнымъ удареньемъ дорожатъ пѣвцы больше, нежели первымъ и послѣднимъ большими удареньями стиха; и ужъ не потому ли попадались мнѣ перестановки словъ **все ради срединнаго ударенья?** Но не можетъ быть; нѣтъ, это просто случай. Вспомните приведенные отрывки; вѣдь встрѣчаются же тамъ сильныя, и даже изъ всѣхъ трехъ большихъ удареній стиха сильнѣйшія, на 3-мъ слогѣ:

Хошь-то *быль* я во раздольцѣ чистомъ-полѣ,
Да-й не *смыль* я къ паленічищу подъѣхати,
А-й не *могъ* я у ней силушки отвѣдати.

И точно такъ же на 11-мъ слогѣ:

Кунью-шубонокку накинулъ на *однѣ*-плечко,
То онъ шапочку соболью на *однѣ*-ушко.

А то и заразъ на 3-мъ и на 11-мъ мѣстахъ очень сильныя:

Хоть же *рьянъ* да ты, посредничекъ, *уходишься*,
Хоть *стѣсивъ* да ты, начальникъ, *пріусядешься*.

Точно такія же сильныя какъ и на 7-мъ слогѣ:

А по многу-ли вашъ *вѣтъ* да Илья Муромецъ.
Шутки-шмоночки *куда* мои дѣвались.

И такъ натяжки конечно дѣло худое. При *своемъ* стихѣ, при естественномъ, кровномъ стихѣ русскаго языка натяжки, какія бы то ні-было, непростительны еще пуще, нежели при завозномъ стихѣ, при чужомъ, да еще, пожалуй, при чужомъ-то ничьѣмъ, при такомъ или иномъ измышленномъ, ложно-классическомъ стихѣ въ русскомъ языкѣ. И пусть св. Димитрій и Пушкинъ мастера, каждый своего завознаго стиха, а пѣвцы, и даже сама Ирина, только исполнители своего доморощенаго; пусть тѣ двое великіе дѣла сего, а эти всѣ малые: и все таки же, изъ тѣхъ и этихъ — изъ великихъ, но на чужомъ, и изъ малыхъ, но на своемъ, — виновнѣе малые. Не своя и ширь тѣсна, своя и тѣснота просторна: слѣдовательно... А слѣдовательно, все таки же, не только простить за натяжки, а еще и благодарить должны мы пѣвцовъ нашихъ; и чѣмъ ту же были ихъ натяжки, тѣмъ больше благодарить; ибо тѣмъ обнаженнѣе изъ-подъ покрова рѣчи, тѣмъ явнѣе намъ во-очію выдалась вся тайна великаго закона: стихотворная краеугольность смысловаго ударенія.

